

Недостоверные истории села Волосатино

Наталья Мартэновна СИДОРОВА, кафедра философии естественных факультетов МГУ, ученый секретарь философского факультета

Экспозиция

- Каждое лето в селе Волосатино проходили практику студенты кулинарного техникума из города Воровска. Для опытов им на базу поставляли других студентов из Главного Столичного Университета, всем известного ГСУ. Нежные организмы ученых юношей и девушек безошибочно откликались на нарушения технологии приготовления пищи нормальной физиологической реакцией. Воровские их за это любили и ласково называли «наши канарейки», имея в виду не столько нестройное пение студентов, сколько оперативное реагирование канареек на наличие метана в шахте.

Канарейки тоже проходили практику, только другую, геодезическую. Они измеряли какие-то непонятные градусы и били шурфы на местных склонах на предмет изучения их неантропогенного характера, но почему-то каждый раз наталкивались на заброшенную помойку, где было все – от почти полных баллончиков с хлорофосом до допотопных утюгов, куда надо было закладывать угли. Самые колоритные находки приносили в лагерь и раскладывали недалеко от столовой под издевательским плакатом «Быт неандертальцев». Волосатинская молодежь злилась и громко обещала побить пришельцев, предатели-кулинары делали ставки на победу своих подопытных студентов, а лагерное начальство срочно устраивало матч дружбы. Футбол сперва гасил избыточную энергию, а потом объединял всех посредством янтарной влаги. Хорошо, что речка была мелкая.

- Волосатинцы оправдывали свое название не столько пышными шевелюрами (дреды они отродясь не носили), сколько боковой растительностью. Их подмышки славились на всю округу. Рассказывают, что через это одна местная девушка пошла работать на парфюмерную фабрику, а потом вообще стала композитором духов и уехала в Париж. Но Петрович точно знал, что до Парижа она не доехала: несколько раз он встречал ее то в Обнинске на строительном рынке, то на автовокзале в Калуге, и на композитора она явно не тянула, на девушку - тем более.

- Волосатинцы полюбили вести ученые беседы с недоучившимися студентами, причем никогда не довольствовались поверхностными утверждениями, а всегда старались силой мысли проникнуть *вглубь*

любого предмета, и обычно им это удавалось, особенно после закрытия магазина, когда он был открыт только с заднего входа с табличкой «Пожарный выход».

В силу дотошного качества своего мышления волосатинцы исключительно уважали Иммануила Канта. Чувствовали в нем родственную душу, хотя он был немец и даже, прости Господи, пруссак. Их обижало, если слова великого философа использовали не по назначению и затыкали ими дырки собственного скудоумия. Особенно громко возмущался Паша. В этом контексте появление в Москве сети магазинов «Априори», торгующих тряпками, выглядело просто оскорбительным, называть такие лавчонки можно было только «Вышел – вытри ноги», и то слишком жирно, а эти туда же, со своим свиным торгашеским рылом в калашный ряд классической немецкой философии. Таким жуликам только в шиномонтаже на 91-м километре работать. Сезонная миграция студентов также способствовала депрессии: летом разговаривай сколько хочешь, а зимой обсуждать роль воображения в процессе познания было решительно не с кем, оставалось только уныло обводить взором заснеженное поле, которое из жалости иногда прикидывалось полем чудес, но только после посещения «Пожарного выхода».

- Волосатинцы не любили землемеров; они постоянно принимали их за студентов, которые бегают с теодолитами и, потеряв всякий стыд совесть, норовят воткнуть свои рейки на чужом огороде. Один мужик попытался вместо студента задавить трактором бедолагу из конторы «Земля-сервис», до последнего не верил, что его бывшая жена заказала составлять документы для раздела имущества. Опытный землемер успевал ловко уворачиваться от трактора и одновременно махать удостоверением. Мужик потом оправдывался: принял, мол, за этих ..., они тоже с теодолитами по чужим огородам ..., все меряют чего-то, мерили бы лучше свой х...., выкапывают, ..., где ни попадя ямы, а в них, ..., то соседская кошка в обнимку с баллончиком хлорофоса, то битый кирпич с клеймом смоленского завода. Кирпич этот сосед на ремонт фундамента осенью завез, использовать не успел, а к весне он куда-то подевался, видать талой водой смыло. А тут на тебе, нашлись остатки. Землемер сочувственно кивал головой и вспоминал, как у его приятеля за зиму сарай с инструментом сам собой разобрался. Правда, было это не здесь, а в Отрыжково, за рекой, еще при старом председателе лет пять назад. Там одна баба Галя зимует, где ж ей уследить за всеми сараями! А мужик поддакивал: что там сарай, дюдюевские целый мост за зиму разрезали автогеном и сдали в металлолом, потому что до зимы его установить не успели и лежал он на земле вроде как бесхозный, хотя на самом деле это был мост для Черномора, чтобы с удобствами ездить ему

на новую дачу. И все про это знали, но делали вид, что не понимают разницы между металлоломом и металлоконструкциями.

- Издавна волосатинцы занимались разведением пчел, но особенно потянулись к этому промыслу с воцарением знатного пасечника Лужкова на московском престоле. Они бы давно догнали и перегнали Юрия Михайловича по удоям на одну пчеломатку, но вышел конфуз. У Петровича как раз поделится рой, покружился маленько и сел на яблоню у забора. Хозяин совсем собрался пересадить его в новый улей, да какой-то охломон на мотоцикле спугнул благородных насекомых. Петрович пошел по деревне искать свое крылатое имущество. Чтобы приманить беглецов, помазал медом газету, идет – помахивает, а ноги привычно к магазину несут. У магазина он заметил ненавистный мотоцикл, кулаки сами собой сжались до сверхплотного состояния материи, но охломон не будь дурак – юрк в «Пожарный выход». Петрович – за ним, а тут и пчелы мелкими кварками налетели, видать, соскучились без хозяина и вообще проголодались. В магазине три студентки-практикантки покупали эскимо обнинского хладокомбината и сахарные рожки фирмы «Нестле». Пчелы немного пометались между барышнями с мороженым и статьей о нефтедобыче, намазанной медом, и выбрали то, что выбрало бы любое нормальное животное.

После битвы в магазине поубавилось и студентов лагере, и ульев в деревне, поэтому соревнование с Лужковым само собой сошло на «нет».

- Вообще надо сказать, что Волосатино развивалось очень динамично, с опережением, но неровно, поэтому опережающие части было некуда девать. Селяне пытались продавать излишки в соседние регионы, но никто не брал, так как отставало и опережало у всех примерно одно и то же. В отличие от прочих стихийных тружеников волосатинцы крепко задумались над причинами неувязки и быстро дошли до глобального вывода о том, что в нашей стране в основе экономического дисбаланса лежит отставание рассудка от жизнедеятельности. Толстый Паша уточнял: рассудка народа от продуктов жизнедеятельности властей. Витёк как всегда возражал: народной жизни от задумок власти. Бывшая медсестра Чугункина из Отрыжково проясняла ситуацию: власть ни при чем, проблема в 23-ей хромосоме, а это не лечится.

Но Паша на посиделках у «Пожарного выхода» выразил твердую надежду, что с развитием нанотехнологий и клеточной медицины второго порядка положение удастся выправить. А пока доминировала клеточная медицина первого порядка, это когда в тяжелых случаях, сопровождающихся конфабуляцией и гебефреническим возбуждением, пациентам прописывали небо в клеточку годика на три-четыре. Один мужик из Отрыжково аж на 8 лет загремел. Волосатинские его очень

жалели, поскольку он самый веселый на том берегу был и погорел исключительно из-за любви к одной дачнице, которая сначала сама ему куры строила, а потом не дала.

-- Слава гостеприимных и любознательных волосатинцев гремела по всему району, их прожектор ночью на три деревни светил и музыку всем было слышно. Им даже газ за это провели. Только газ этот погубил волосатинцев, лишил их, горемычных, собственной идентичности. Но это отдельная большая история.

Как волосатинцы сначала публично потеряли, а потом тайно восстановили свою культурно-историческую идентичность.

1

- Да, так вот, значит, провели волосатинцам газ. Перекопали все село, грязь развели несусветную, задавили двух собак, покалечили заборы у тех, кто вовремя не снял пару секций, но к ноябрьским все сделали. Волосатинцы ходят – не нарадуются на высокое качество комфорта своей новой жизни. Но долго радоваться им не пришлось. Прослышали про их счастье дядьки на джипах и хаммерах, налетели черными воронами, начали участки скупать. Было это еще в новинку, и наивные жители, не подозревая беды, обрадовались второй за год большой удаче. Несколько человек продали родительские избы за хорошие деньги. А новые хозяева договорились с местной администрацией, прикупили поле за деревней и решили элитный гольф-клуб делать, благо рельеф позволял, как будто у этого рельефа кто-нибудь когда-нибудь позволения спрашивал. В родительские избы поселили молдаван и таджиков, сэкономив на бытовках, проковыряли артезианскую скважину и пошла другая музыка: шоссе с иномарками, вышка для мобильной связи и «этномир» в виде складных юрт с девушками, которые работали посменно, чтобы не было простоя, пока гольф не построили.

И тут разразился скандал. Главный ворон говорит: - «Что я в рекламе, вашу мать, писать должен? Элитный гольф-клуб в *Волосатино*?! Коттеджи-ПМЖ и всякое такое, налетай-покупай, за двести тыщ у.е. станешь *волосатинцем* на всю оставшуюся жизнь?! Меняйте название, или вышку сниму, все обратно распашу и асфальт к чертовой матери с дороги скovyряю, да так, что Кантемировской дивизии мало не покажется. Будете у меня через речку на надувных матрасах плавать!» Но в Воровске уперлись рогом: не дадим нашу идентичность поганить, исторические корни выкорчевывать, пусть скажут спасибо, что им сельхозугодия вывели из оборота по подложным документам.

Однако вода дырочку завсегда найдет. Вот и дядьки те нашли в краеведческом музее плюгавого мужичонку, который якобы за недорого раскопал старинные бумаги. По этим бумагам выходило, что при царе Алексее Михайловиче стояло на том месте две деревни, одна – *Волово*,

хотя волов отродясь в здешних лесах и болотах не водилось, только кабаны, зайцы, да тетерева с куропатками, а другая вроде как *Сатино*. И что сообща построили воловские и сатинские церковь и из-за такого близкого удобства и бесплатного развлечения повадились играть свадьбы с необыкновенной частотой. Невзирая на понос и золотуху, население пошло размножаться в непредсказуемой пропорции, так что деревни очень разрослись и сблизились посредством покосов и огородов.

Потом еще наполеоновские солдаты все выспрашивали дорогу у местных жителей из Москвы в Париж, а те объясняли, что сперва надо вдоль реки пройти до Волово, потом повернуть на Сатино, а там и до Малоярославца с Парижем недалеко. Непонятливые французы все переспрашивали, как-как, mille pardon, Volov-na-ssatino? Так два названия ошибочно соединились в одно. И статья об этом в местной газете вышла с фотографией членов клуба исторической реконструкции в мундирах французских кирасир, и из Москвы новости приезжали снимать. После такой артподготовки собрали в столице комиссию по топонимике и вынесли приятное воронам решение.

Эх, побрили-таки волосатинцев, отобрали первые четыре буквы их звучного имени и стали они просто «сатинцами». Отрыжковские, славящиеся своей хитростью и смекалкой, тут же переименовали родную деревню в Рыжково и написали о том письмо в Думу Рыжкову-младшему, намекнув, что неплохо бы однофамильцам дорогу починить и новый мост достроить. А тот из-за их письма выборы проиграл, поскольку официальная пресса обвинила его в фальсификации истории и подкупе избирателей путем невыполнимых обещаний.

2

- Но если вы думаете, что на этом все закончилось, то не учитываете особенности местного климата. В этом районе по причине сильных ветров и перепадов давления нельзя закончить ничего и никогда, особенно дачное строительство, ремонт дорог и, главное, вывоз мусора. Брожение умов и недовольство распространились по всей округе: одни хотели срочно заманить к себе этномир с юртами и богатых отдыхающих, и ради этого готовы были переименовываться хоть каждый день, тем более деревни их назывались Загажено, Подгрязье и все в том же роде. Другие, подозревая подлый обман со стороны краеведа, требовали восстановить прежнее имя деревни Волосатино и компенсировать моральный урон, желательно в евро. Особенно надрывался Паша. Его и отрядили в областной архив, потому как где храниться исторической правде? – исключительно в архивах. Но оказалось, что бумаги недавно переехали в новое благоустроенное здание и кое-что, как это всегда бывает при переезде, потерялось по вине грузчиков, которые пили две недели на деньги от сданной макулатуры.

Впрочем, один добрый человек шепнул, что метрические книги волосатинцев, которые могли рассеять сомнения относительно исконных имен и названий, давным-давно увезли на Урал раскольники. Еще до революции приезжали они в эти края за следами заточения в Воровском монастыре нестигаемой души человека, мятежного протопопа Аввакума, и соратниц его, славных сестер, в девичестве Соковниных. Но никонианцы им следов не отдали, а погнали в шею. Видать не забыли, хоть более двухсот лет прошло, как старшая сестра их припечатала: «Никон наблевал, а вы подлизываете». Пришлось следопытам убираться из монастыря несолоно хлебавши. Заночевали они в подвале единственного на весь город трехэтажного дома и к своей великой радости наткнулись среди мусора на тронутые плесенью бумаги, писанные родным полууставом, а также на служебную переписку Бонапарта, которую император забыл вместе с пьяным ординарцем в этом самом доме осенью 1812 года. Останки ординарца тоже нашли, но трогать не решились, чтоб ненароком не заразиться французской болезнью, а бумаги забрали. На обратном пути раскольники почуяли за собой погоню и сообразили спрятать найденные документы в старых горных выработках, где раньше брали малахит.

Сто лет эти документы вели себя как Янтарная комната: их следы появлялись то там, то здесь, а найти никому не удавалось. Только одному воровскому краеведу сказочно повезло с нужными томами, если, конечно, он не соврал. Его пример вдохновил сторонников исторической справедливости, и они помчались на Урал в плацкартном вагоне, взяв последние верхние полки на проходе у туалета. Логика у них была простая и убедительная: если этот мошенник нашел бумаги про Сатино, то мы, честные люди, наверняка найдем про Волосатино.

Начало выглядело суровым и многообещающим. Черные вороны занервничали и стали готовить ответный удар. Собрали студентов-канареек и выступили перед ними с речью следующего интересного содержания: вы свои дырки копаете там, где вам укажут, а когда найдете неопровержимый аргумент в виде фундамента старой церкви, в которой воловские и сатинские переженились – всем премия от будущего гольф-клуба и досрочное окончание практики. Университетское начальство согласно покивало своими тремя головами. Студенты не верили ушам: им весь кайф хотят сломать, веселую жизнь обрезать, опять же науку принести в жертву черным воронам; но начальство прикрикнуло и работа закипела. Один чудик из Дюдюевки на свои деньги купил миноискатель для поиска кладов и напросился в бригаду. Кирпичную кладку нашли быстро, правда, не церкви, а коровника на 200 голов, что построили ровно 30 лет назад стройотрядовцы того же университета, и даже запись об этом сохранилась на фундаменте. Рядом с фундаментом чудик обнаружил своим миноискателем металлическую капсулу послания к потомкам с гравировкой «Вскрыть через 50 лет», но оттого что дату закладки не

написали, коровы в поисках еды вскрыли капсулу значительно раньше. Теперь в ней содержались исключительно осколки стекла и перегной, что никого не удивило: у нас предки потомкам так обычно и комплектуют наследство – осколки, обломки и немного земли.

Еще не управились с фундаментом, а уже вернулись с Урала насквозь простуженные и обозленные борцы с фальшивой топонимикой. Все штреки облазили, но злополучные церковные книги так и не нашли, хотя помогали им многие, особенно женщины предпенсионного возраста, которые бескорыстно пускали волосатинских на ночлег. Ребята отблагодарили их тем, что было всегда с собой, и заторопились обратно, сообразив, что слишком долгое отсутствие открывает ворота очередному подлогу и фальсификации отечественной истории. Тем временем студенты уехали в Москву под видом окончания практики. Вороны тоже сделали вид, что они ни при чем, и полетели зимовать на французскую Ривьеру. Проблема стремительно заболачивалась; ни одна из сторон не имела решающего превосходства.

Пока длилась заминка и нерешительность, соседи оттачивали свое остроумие на беде переименованных волосатинцев. Одни обзывали их стриженными, другие – сатинистами-сатанистами, третьи удваивали «с» в начале слова и издавали обидные звуки. Пришлось обратиться за помощью к членам клуба исторической реконструкции. Они поломались маленько, но согласились разыграть сражение из эпохи неолита, в котором обросшие кроманьонцы наголову разбивают рахитичных плешивых неандертальцев и называют свою стоянку «Волосатино», причем согласились совсем бесплатно, исключительно из любви к неколебимой правде исторического факта и за сюжет в дневных новостях. Но матерые столичные журналисты сказали, что это «отработанный материал с нулевой рекламоемкостью» и второй раз ехать в Сатино-Волосатино отказались, хотя были совсем рядом: снимали страшную аварию на Киевском шоссе для развлекательной воскресной программы «Когда не все дома».

Казалось бы, у воронов восемь тузов в рукаве, но с гольф-клубом тоже заколодило. Часть поля стала раздумчиво сползать в овраг. Бессловесный рельеф решил-таки показать характер и отомстить за все прошлые издевательства над его складками. Девушек из «этномира» спешно разобрали по московским клубам, юрты сложили и увезли на склад.

О передвижениях рельефа стало известно министру оставшихся ресурсов Вмигуволю и он с большим удовольствием кинулся искать виноватых. Старенький Черномор оставил ключи от своей дачи, и министр там несколько раз делал шашлыки, пока боролся с экологическим преступлением. Идти до места преступления было гораздо ближе, чем до места наказания – всего минут десять, это если не смотреть, как клюет у

Петровича, который с пчел переключился на рыбалку по случаю осеннего жора рыбы. Но в тот день, когда Вмигувань и Петрович собрались порыбачить вместе, пошел снег с дождем, а защитника природы вызвали в Москву и повысили в должности: теперь он стал охранять от антропогенных выбросов ближний космос, а в перспективе намечалась командировка в дальний.

Рельеф застыл в задумчивости на краю оврага, как нерешительный самоубийца. Магазин оскудел ассортиментом вместе с остальной природой и его закрыли до весны. Последнюю битву с воронами отложили до теплых дней.

3

— Весною стало ясно, что битва не состоится, поскольку ее предмет, можно сказать, тает на глазах: вышка для мобильной связи за зиму сама собой разобралась на черный лом и цветные металлы и ухитрилась целиком сдать в приемный пункт рядом с шиномонтажом на 91 километре Киевского шоссе, который за эту же зиму удивительным образом расширился до головного центра сборки электроники «Самсунг» в Российской Федерации. Асфальт в деревне из солидарности с вышкой растрескался и отвалился, дорогу размыло, юрты пришлось ставить за рекой в более гостеприимном месте; туда же переместилось строительство гольф-клуба. Понятно, что официально старое название назад не вернули, но поскольку вороны больше над ухом не каркали, сельчане снова стали называть себя «волосатинцами». Оказалось, очень удобно иметь два имени: одно для начальства и чужаков, другое для себя и близких друзей.

Также оказалось, что не зря читали волосатинцы долгими зимними вечерами умные книжки про Канта и категорический императив. Эти книжки укрепили в них нравственное сознание, особенно ту его часть, которая отвечала за реализацию принципа «Как вы с нами, так и мы с вами». Волосатинцы с успехом стали применять его при переписке с продажными чиновниками, лишившими их четырех первых букв, и вообще со всеми неволосатинскими: они тоже стали лишать своих обидчиков и чужаков букв то там, то сям, якобы опечатка или описка вышла. Допустим, шлет университетское начальство депешу коменданту базы, а в той депеше приказ отремонтировать к началу летней практики комнаты для преподавателей и классы для занятий географической наукой и в конце приписка: надеемся на вашу отличную работу. Ну и деньги, понятное дело, выделяет. Волосатинцы в ответ: не сомневайтесь, работа будет личной «на все сто», только подкиньте маленько на учет инфляции, а то цемент сильно подорожал. Весной заявляются проверяльщики, а там все, как волосатинцы пообещали: в комнатах конь не валялся, а новый личный домик коменданта уже под крышу подвели и отделка на втором этаже в самом разгаре.

Поэтому если вступаете с ними в официальную переписку, выбирайте выражения, в которых затруднительно поменять смысл, потеряв пару букв. А еще лучше вообще в переписку с ними не вступайте, сами приезжайте летом, когда идет земляника, или малина, или грибы, или просто так на шашлычок и искупаться. Места там исключительно красивые. Не пожалеете. 2008 – 04

Как у Петровича открылся третий глаз и чем это закончилось.

-- Или вот еще один случай, весьма и весьма поучительный. Было это уже после воронов, но еще до ареста предпоследнего председателя. Отпраздновали приободрившиеся волосатинцы свою победу над чистоганом, отпраздновали на широкую ногу, а когда все деньги закончились, собрались как-то вечером у «Пожарного выхода» и стали думать, как им быть дальше, чтобы и родные поля наглým богатеям не продавать, и жить по-человечески. Уж больно завидно было смотреть, как эти, за рекой, что юрты у себя приютили, пересаживаются на внедорожники и новые бани в два этажа возводят. Конечно, возводят не все, а завидно всем. В тот раз так ничего и не придумали, но вскоре на волосатинской улице случился незапланированный праздник.

Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло. Умерла у Петровича двоюродная сестра, которая тридцать пять лет назад вышла замуж в Москву. Вышла неудачно, быстро развелась, сама поднимала дочку, сама нянчила внуков, которых на лето вывозила в родную деревню. Бледные московские росточки очень любили плескаться на мелководье у брода, бегать с местными ребятами в лес и блинчики с медом наворачивать. Последнее лето сестра болела, так и не приехала, а дочка ее насчет поддержания родственных связей совсем не напрягалась, законопатила родных детей в лагерь на три смены. Но как мать умерла, сразу вспомнила про волосатинскую родню. Плачет она в телефонную трубку и эдак ненароком говорит, что покойница завещала похоронить себя в родной деревне. Что ж не в Москве, где детки за могилкой смотреть будут? А то, что в Москве теперь народу 15 миллионов и земля на кладбищах страшно вздорожала, пришлые богатеи норвят ею заранее запастись и на том, и на этом свете, так что простому человеку светит урночка в стеночке, но и она будет скоро стоять, как могила на Ваганьковском, потому как пошла мода хоронить на манер людей и собак, и кошек. Петрович крикнул, сходил на кладбище, потом к председателю, сам с Витьком выкопал могилу недалеко от деда и бабушки. Правда, племянница устроила хорошие поминки и денег оставила, чтобы за могилкой смотреть.

И тут у Петровича словно третий глаз открылся: вот оно, спасение и от воронов, и от нищеты одновременно! То самое поле, которое пытались

под гольф приспособить, надо сделать кладбищем для москвичей: так, мол, и так, по умеренным ценам, в живописном месте с хорошей экологией и полным комплектом услуг по поддержанию в надлежащем состоянии. И соседи тихие, не скандальные будут, и музыка знакомая, классическая, соната Шопена, часть вторая, и работа круглый год, но без напряжения, и деньги, деньги... Председатель одобрил, в районной администрации поддержали, назначили Петровича директором нового унитарного предприятия, но сказали, что раскручиваться он будет сам, реклама и все такое на его совести. Петрович съездил в Москву, посетил Востряковское и Митинское кладбища, прикинувшись неутешным родственником, выспросил цены, потом прозвонил редакции рекламных газет, чтобы узнать, сколько стоит месячная публикация объявления. Цены кусались, поэтому Петрович решил повесить объявление только в «Длинные руки». Дело было за текстом.

По возвращении домой Петрович достал три бутылки беленькой, что припрятала жена с поминок к следующим выборам президента, собрал коменданта базы, Витька, охранника с черноморовой дачи, еще одного мужика, с которым часто рыбачил, и они стали сочинять текст. Кто первый предложил, потом так и не смогли вспомнить, поскольку водки было мало и догонять пришлось пивом, но получилось у них вот что: **«Инвалидам и ветеранам жизни предлагаем места на бессрочной подземной парковке в Калужской области по умеренным ценам, фурзикам бесплатно в пределах благотворительной квоты»**. И дальше шел номер петровичева мобильного. На следующий день комендант базы ехал в Москву на ковер к университетскому начальству оправдываться за двухэтажный особняк. Он обещал разместить объявление в газете и оплатить месяц публикаций, что и было сделано.

Беременной редакторше вlepили выговор за то, что отправила в печать дурацкий текст; она разрыдалась и досрочно отправилась рожать. Однако деньги были получены сполна, поэтому пришлось целый месяц печатать странную рекламу. Каждый понимал ее в меру своей сообразительности. Так как сообразительность у всех разная, Петровичу начали звонить с вопросами и уточнениями. Первым делом все интересовались, кто такие **фурзики**, почему это им все бесплатно и как попасть в их число в пределах благотворительной квоты. Потом выясняли, автомобили каких габаритов можно пристроить на парковку, разместят ли большегрузный «КамАЗ» или трейлер и сколько стоит аренда бокса, довольно часто скандалили, что ракушки в Москве снесли, а теперь инвалидам предлагают переться в такую даль – 90 км от кольца!

И только самые догадливые понимали, что значит «бессрочная подземная парковка», и спрашивали об аренде участка и стоимости ритуальных услуг. Петрович – правильный мужик – цены не задирали, голосом выражал полное сочувствие ситуации и горю близких, поэтому

уже через две недели от клиентов, точнее, от их неутешных родственников просто не было отбою, несмотря на наметившийся спад производства. А может, именно поэтому поле исправно засевали каждый день тем, что не принимали в макулатуру в ином, лучшем мире, и скоро у Петровича и его команды начала образовываться ощутимая прибыль. Понятно, что все начальники и проверяльщики свою долю с этого имели, и все равно дела шли в гору. Петрович уже позволял себе перед сном помечтать о том, как через год купит новый «Ниссан-Кашкай» или «Сузуки» с полным приводом.

Однажды, когда они с председателем в конторе смотрели карту, соображая, как бы расширить уголья и оборудовать ВИП-участки для состоятельных любителей быстрой езды и весеннего подледного лова, зазвонил телефон. Председателю вежливо напомнили суммы на его счетах и слова, какие он говорит жене в минуты близости. От неожиданности председатель повторил эти самые слова вслух.

Потом попросили передать трубку Петровичу. Что сказали ему, Петрович повторять не стал, просто ответил «Понял, так точно!» и вернул телефон председателю. До конца недели бригада выполнила все свои обязательства перед заказчиками и свернула работы. Когда Петровича спрашивали, что случилось, он отмалчивался. И все-таки однажды проговорился: «Фурзик позвонил».

Как отрыжковские дельтапланериста в больницу возили

1

В то лето, о котором пойдет речь, в Воровском районе было на редкость много грибов и ос. Между осами и грибами существовала очевидная взаимосвязь, но ее природа оставалась неясной. Да так неясной и осталась, потому что все переключились на дельтапланериста.

С конца июня какой-то здоровенный дядька повадился летать над Волосатино и Отрыжково на дельтаплане с моторчиком. Летал он обычно по субботам под вечер, видно, долго выбирался из Москвы, стоял в пробках, потом теще с огородом помогал, наконец посылал всех на..., выводил своего треугольного коня на бугор, разбежался и улетал вслед за закатным солнцем насколько хватало бензина. Народ задирает головы, кричал что-то в след, но мужик не отвечал, одиноко парил над рекой и полем, чувствовал себя Лермонтовым и его Демоном одновременно и светил вниз большим фонарем, когда не успевал вернуться домой засветло. Волосатинские и отрыжковские к нему привыкли, поджидали субботними вечерами, волновались, если запаздывал. Дельтапланерист это странным образом чувствовал и старался не обманывать ожиданий.

Он летал регулярно месяца полтора, пока не случилась беда. Погода в ту субботу менялась, подходил циклон, усиливался ветер, но Демон так намучился в душной Москве, так хотел еще разок до дождя подняться в

воздух, что не послушал ни жены, ни тещи, ни Гидрометцентра. Как раз у Отрыжково нагнал его атмосферный фронт и швырнул оземь. Упал Демон в пшеницу на берегу реки. Деревенские со своей горы видели, как накренился при развороте дельтаплан, как пошел круто вниз, как замахал мужик руками и закричал без звука. Сразу завели машину, взяли у бывшей медсестры Чугункиной пузырек спирта с нашатырем и глицерином и припустили вниз на пшеничное поле. Дождь тоже припустил. Пока к речке подъехали, пока мужика в пшенице нашли, пока искали палки, чтобы на сломанные ноги вместо шин наложить, пока в машину его клали, дождь все лил и лил. Подъехали к горе – а подняться наверх по раскисшей глине не могут. И цепей на колеса ни у кого нет, и трактором машину не вытянуть, поскольку трактор этот стоит со сломанной кареткой с прошлого лета. И носилок нет, а без носилок такую тушу поди втащи в гору...

И тут Витька Чугункин – светлая голова – сообразил, что в гору подниматься вовсе не обязательно, что дельтапланериста можно сплавить по реке до соседнего Волосатина, а там дорога гораздо лучше и уклон меньше, а до больницы что с того берега ехать, что с этого – почти одинаково. Стрекачевы недавно крышу и забор меняли, пацанята из старой обрешетки и столбов как раз построили плот, словно знали, что скоро пригодится. Не без труда жертву циклона и собственной глупости доволокли обратно до речки, положили на плот, закрыли плащом и куском дельтаплана и стали ждать мобильного звонка от Чугункиного свата. Сват на другой машине должен был проехать из деревни верхом через Красные Маяки на правый берег, чтобы эдакой краковской колбасой добраться до Волосатино и там на мелководе у брода перехватить плот с Демоном. Несчастный к тому времени даже стонать перестал и лежал как неживой на занозистых досках. Минут через двадцать раздался звонок: «Пускайте плот, я уже подъезжаю к броду». Плот оттолкнули подальше от берега и пошли обратно. Еще через минуту – новый звонок: «Подождите, меня не пускают к реке».

Что? Почему? Кто не пускает? Оказалось, у брода на поляне, невзирая на дождь, гуляют активисты движения «Мы идем к вам!» в синих пионерских галстуках и с опухшими лицами, а бдительная охрана отсекает всех чужих, будь они хоть трижды местные. Пока сват искал начальника охраны, пока рассказывал про несчастного дельтапланериста и показывал потрепанную справку из сельсовета о том, что он сдал на газификацию домовладения в Отрыжково взнос в таком-то размере, Демон тихонько проплыл мимо в пелене дождя.

Сват выдернул справку из рук охранника и кинулся к машине. «Только бы успеть перехватить в Красных Маяках у моста» - стучало в голове. Машина натужно выла всем нутром, рыскала носом на мокрой грунтовой дороге, дворники мотались как припадочные по ветровому

стеклу, но место перехвата приближалось с каждой секундой. Надо ли говорить, что перед мостом дорога была перегорожена КамАЗом, прицеп которого съехал в кювет. Демон серой тенью скользил в сумерках в пелене дождя. Сват бежал к реке, не разбирая дороги, через мокрую крапиву и лопухи. Он почти успел, он дотянулся до плота, он схватился за край, но это оказался кусок дельтаплана, которым был накрыт несчастный. Кусок остался в руке, Демон неумолимо поплыл дальше. Сват стоял по колено в воде и плакал от досады. Потом достал мобильник, чтобы позвонить ребятам. Батарея была разряжена.

2

Главный врач Воровской больницы был человеком дела, а не слова. Он заботился о процветании вверенного ему учреждения и даже развел маленький огородик в палисаднике перед приемным покоем, чтобы скрашивать вкус больничной баланды свежей петрушкой и укропом. В эту субботу в ординаторской праздновали день рождения хирурга Анатолия Ивановича, садиться за руль было опасно, а идти пешком под дождем никому не хотелось, ждали, когда после смены приедет за медсестрой Наташей муж и развезет врачей по домам на казенном микроавтобусе.

Мужчины вышли покурить на заднее крыльцо, с которого был виден изгиб реки и что-то большое и черное в том месте, где главный обычно ставил свою сеть. «Плавают всякая пакость, но эта ни в какие ворота не лезет. Надо отцепить и дальше пропихнуть, а то сеть порвет. Вообще экологии не осталось» - подумал главврач. Хирург Анатолий Иванович молча принес из отделения большой костыль и плащ-палатку и пошел на нетвердых ногах к реке. «Все-таки хорошие у меня сотрудники, без слов понимают, да и я славно поработал, замечательный коллектив сумел собрал...» Но тут размышления главного прервал жуткий крик «Не надо! Я не хочу! Пощади! Чур меня, чур!». Вернулся Анатолий Иванович, в плащ-палатке, но без костыля, и мрачно сообщил: «Он на берег не хочет, и плыть дальше тоже не хочет. Что будем делать, шеф?» «Пропихнем, и не таких пропихивали. Подрежем, чем он там зацепился, и пропихнем как миленького», - отрезал шеф. И сразу у него в кармане заверещал мобильный. Звонила его бывшая медсестра Нюра Чугункина, как всегда не вовремя, правильно сделал, что вытурил ее на пенсию, несла полную ерунду, что вот-вот мимо них должен проплыть на плоту с сочетанными переломами нижних конечностей и ушибами мягких тканей какой-то Демон, которого не смогли вытащить из реки ни в Волосатино, ни в Маяках. Неожиданно для себя главный ответил: «А он уже приплыл». Бывшая медсестра страшно обрадовалась и стала благодарить.

И тут до всех дошло: туша на плоту, застрявшем в сетях, и есть тот самый Демон, его надо вытаскивать из реки и поднимать прямиком в

операционную. Кинулись вызванивать другого хирурга, потому что Анатолий Иванович крепко отметил день своего рождения, побежали срочно готовить инструменты и убирать с каталки объедки. Когда через пять минут за Наташей заехал на микроавтобусе муж, с ним никто не поехал, включая саму Наташу. Вся больница стояла на ушах: Анатолий Иванович с костылем, но без плащ-палатки, светил фонарем, чтобы два дюжих санитаров – один из неврологии, другой из травмы – не споткнулись с носилками в темноте. Наташа скидывала одноразовые цветные тарелочки и куриные кости в таз с использованным перевязочным материалом. Получалось красиво. Искали рентгенолога, звонили, бегали по коридорам, ругались на больных, прилипших к окнам, собирали тряпками воду, которая текла и текла с несчастного Демона...

Ночная операция прошла успешно. Сильно исхудавшего дельтапланериста через три недели выписали из больницы. Провожали Демона всем коллективом, как родного, подарили на прощание тот самый костыль, которым пытались его пропихнуть. После дождей в лесу пошли белые грибы, отрыжковские устали их сушить и мариновать, по сто пятьдесят штук за раз приносили из-за оврага. Словом, все было хорошо, только больше никто не летал над речкой и полем по субботам.

Жаль, очень жаль.

Канарейка

Когда Петрович был трезв, то изъяснялся просто, доходчиво, изредка употребляя матерные выражения, но выпив, переходил на английский язык. Из английского он знал полдюжины вежливых оборотов, которым его научила на спор с однокурсниками одна студентка-канарейка много лет назад. Степень опьянения Петровича можно было безошибочно определять по частоте употребления «Thank you so much», «I'd like to...», «How do you do?». Особенно удавались Петровичу «How do you do» и «Sincerely yours». Если справедлива поговорка «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке», то выходило, что Петрович в глубине души настоящий английский аристократ. Витек на рыбалке любил пошутить про английского дядюшку, который скоро помрет и оставит Петровичу в наследство поместье в Йоркшире или сокровища Агры. Петрович не отказывался от дядюшки и повторял на бис «How do you do».

Прошлым летом его младшая дочка влюбилась в студента, они сидели вечерами на шатком подвесном мостике, свесив ноги, он читал ей наизусть Ахматову и кормил чипсами, а внизу крошки от чипсов сторожили маленькие рыбки. Когда мост ходил ходуном под чьими-то тяжелыми шагами, студент крепче прижимал подругу к себе. Потом он

уехал в Москву и за зиму ни разу не позвонил. До Нового года дочка еще надеялась и читала Ахматову в одиночестве. Праздники закончились, она все поняла и выкинула томик в бачок, куда собирали для поросенка засохший хлеб и картофельные очистки. Петрович вытащил книгу из бачка, отнес к себе в пристройку, где был оборудован верстак и хранился инструмент. Начал листать. Ну да, понятно, почему выкинула: все про измену, про несчастную любовь, про сероглазого короля, про «сжала руки под темной вуалью...». Только душу травить. Правильно, девочка, молодец!

И вдруг на одной из последних страниц его взгляд зацепился за нерифмованные строки «Мне подменили жизнь. В другое русло, мимо другого потекла она, и я своих не знаю берегов.» И тут Петрович, хотя был абсолютно трезвый, подумал: “I’d like to visit my motherland before I die”, а потом “Home, sweet home!” и еще “Good-bye, my love, good-bye!” Ему стало страшно. Сегодня он ничего не пил. В школе он учил немецкий, двадцать пять лет после войны все в Калужской области учили немецкий. У него была твердая двойка, потому что он ненавидел язык фашистов. Он вообще плохо учился, это помогло сохранить ему природный ум и инициативу, а те пять или шесть английских выражений он выучил уже после армии на спор, чтобы очаровать и поцеловать в щечку студентку-канарейку из Главного Столичного Университета.

Друзьям тогда пришлось покупать ящик пива, потому что Петрович с неожиданной легкостью выиграл пари. И московским парням пришлось покупать шампанское, потому что они проиграли пари своей однокурснице. В те времена в Волосатино спиртное не продавали, все гнали сами, за пивом и шампанским проигравшие приехали в Воровск и столкнулись у прилавка магазинчика на площади Ленина. Слово за слово, кому столько пива, зачем шампанское, на свадьбу маловато...

Возвращались одной большой компанией. Потом вместе пили и закусывали шампанское малосолевыми огурцами, Витек кричал, что ему нравятся москвички, а Петрович, которого тогда все звали Аликом, сидел рядом со своей учительницей-канарейкой как жених с невестой. Кто-то заорал «Горько!» и он поцеловал ее уже по-настоящему, взасос, вжавшись в нее низом живота и протиснув язык сквозь неплотно сжатые зубы; у канарейки даже дыхание остановилось. Но шампанское быстро закончилось, перешли на пиво, а под пиво «горько» не кричат; плохо, что Петрович это не сразу понял, все лез целоваться. Она несколько раз его одергивала, потом ушла вроде как в туалет, но за стол больше не вернулась и вообще больше не вернулась, просто выпорхнула из его жизни, и все.

...И вот, столько лет спустя, эти слова про то, что человек прожил не свою жизнь, и мысли на английском. Петрович не находил себе места. А вдруг Витькины шуточки – правда? Он, которому медведь на ухо

наступил, неспроста выучил тогда все дурацкие «хаудуюду» за два дня с абсолютно правильной интонацией и произношением. И теперь ему, оказывается, надо посетить неизвестную родину, обязательно увидеть милый дом и попрощаться со своей любовью. Бред какой-то! «Я не знаю иностранных языков. У меня родни не то что в Англии, даже в Калуге нет, родители коренные волосатинские, а жена из Малоярославца. Но если я не знаю английский, как я понял то, что кто-то сказал у меня в голове? И как я смог это произнести? Может, меня подменили в роддоме?» Вопросы множились, паника нарастала.

Неизвестно, чем бы все закончилось для Петровича, если бы не морозы. Давление в газовых трубах упало, потому что все запустили свои АОГВ на полную катушку и был большой перерасход топлива. Раз давление упало, автоматика на водогрейных котлах, понятное дело, начала выходить из строя, и в двух домах, чьи хозяева приезжали из города только на выходные, разорвало батареи. Петрович слыл главным умельцем в своей деревне и был в эти дни нарасхват. Он отключал автоматику, подвязывал что-то провололочкой, потом включал обратно, после чего котлы работали как зомби, не реагируя ни на какие перепады давления. Через две недели морозы спали, но пришлось помогать Витьку отремонтировать «копейку», потом они вместе ездили три раза на Угру на подледный лов, так и зима прошла. Книжку Петрович закинул за верстак в кучу стружек и забыл. Английские фразы больше не мучили его.

Летом на практику приехали новые студенты, младшая дочка повеселела и снова стала ходить к ним на дискотеки. Прожектор на три деревни светил и музыку всем за пять километров было слышно.

В августе стало потише, потому что студентов отправили в Москву, а в начале сентября на базе опять случилось оживление. Петрович пошел разузнать в чем дело, но не дошел, встретил Витька, он все и рассказал. С его слов выходило, что база скоро будет праздновать столетний юбилей. Так они же загнездились здесь лет через двадцать после войны, ну пусть десять, столетник никак не набирается! Оказалось, юбилей не у базы, а у факультета, но так как все факультетские приезжали сюда на практику и сживали на подвесном мостике кто с сигареткой, кто с бутылочкой, а кто с другом сердечным или едой в разных пропорциях, решили праздновать круглую дату в Волосатино. Под это дело сколачивали столы, завозили стулья, налаживали аппаратуру для концерта и выбирали место, откуда запускать салют. Уже с пятницы на базу начали заезжать роскошные иномарки, в субботу приехала куча народа на четырех автобусах, и потом до позднего вечера все ехали и ехали опоздавшие.

Танцы устроили на футбольном поле у реки, играли современную попсу и стильное ретро, деревенские стояли у кромочки, смотрели на старых мужиков и холеных теток и пытались найти знакомое лицо. Петрович тоже стоял, хотел дожидаться салюта, в лица особо не

вглядывался – чего прошлогодний снег искать! – как вдруг кто-то назвал его Аликом. Пожилая дама в бархатных брючках и блестящей кофточке оказалась подружкой его канарейки. Ее имя Петрович забыл, называл вежливо «вы», а она сразу без запинки – «Алик», теперь, значит, Александр Петрович. Дама стала вспоминать, как девчонки с теодолитами перебирались на ту сторону по мелководью, потому что Алик, простите, Александр Петрович с товарищами караулил их на мосту и отпускал вслед сомнительные шуточки, и как по субботам он приходил на танцы не совсем трезвый, но очень милый, смешно танцевал шейк и старался дышать в сторону, когда приглашал девушку на медленный танец.

Эти ностальгические пассажи вогнали Петровича в краску и он решил не спрашивать про свою учительницу английского. Но дама была неуправляема в воспоминаниях и минут через пять добралась до Лизы. Вы помните ее, такая шустрая, с хвостиком, она занималась физической географией зарубежных стран, поехала на стажировку в Англию, да так там и осталась: вышла замуж, двое детей, внук не говорит по-русски совсем.

Что ж не научила, усмехнулся Петрович, меня за два дня так натаскала, что до сих пор помню. Да-да, она говорила, вы очень способный. Понимаете, последние годы она тяжело болеет, рассеянный склероз, тут уж не до занятий русским языком с малышом. Она почти не выходит из дома, а дочки живут отдельно, там так принято. Лиза очень хочет приехать в Россию, повидать друзей и родные места, надеется на новое лекарство, оно действенное, но первый эффект наступает не сразу, примерно через полгода. Главное – выдержать перелет, а тут мы все сделаем, встретим ... Дама продолжала тараторить, но Петрович не слышал. Так вот чья жизнь повернула не в то русло. Бедная канарейка! Это ее мысли он нечаянно подслушал. Хотя почему бедная? Здесь ей пришлось бы гораздо хуже. И что бы она делала со мной и со своим рассеянным склерозом в Волосатино?

«All is for the best in the best of possible worlds, isn't it?» - подумал он и почувствовал, что Лиза согласно кивнула. 10-2008.

Как Петрович строил теплый туалет

Петрович, как только начал мечтать о встрече со своей канарейкой, которая и его-то никогда не была, сразу осознал необходимость изменить жизнь, поднять свой бытовой и культурный уровень и все прочее на случай ее приезда. Раньше Петрович просто жил и работал в родном Волосатине, наслаждался чистым воздухом, рыбалкой, а также живым общением с прошлым своей страны в лице фундамента коровника, церкви в Красных Маяках и памятника Неизвестному солдату. Теперь пришла

пора проявить активный интерес не только к экономической жизни Родины, что было в порядке вещей, но и к себе лично, дабы усовершенствоваться и предстать перед заморской гостьей в самом положительном свете. В том, что она заедет сюда, если доберется до

Все к лучшему в этом лучшем из миров, не так ли?

России, он не сомневался, как не сомневался и в том, что замечательное лекарство подействует. Значит, у него есть минимум год, а то и два: полгода на первый эффект, потом закрепить улучшение – это еще полгода, никак не меньше, там зима на носу, зимой она точно не поедет, выходило послезавтрашнее лето. Нет, так не говорят, позаследующее тоже плохо. Петрович даже вспотел, пока искал подходящее слово; хотел запустить привычный матерок, но осекся: Лиза могла услышать.

Родной язык, которым он владел прямо-таки виртуозно, по крайней мере в одном, ныне очень популярном сегменте, неожиданно «показал зубы». У Петровича даже забрезжила странная догадка, что не мы говорим с помощью языка, выбирая любое слово по своей прихоти, а хитрый язык говорит нами, навязывая свои любимые словечки наивным людям. Но стоит ему искренне довериться, он меняет правила игры, и ты остаешься дурак дураком со своим «прикольню», «электоратом», «руководящей ролью» «блином» или еще чем-нибудь в этом же роде.

Ну да Бог с ним, великим, могучим и ужасным. Пора было определяться с первоочередными делами. Петрович рассудил так: во-первых, надо закончить компьютерные курсы, чтобы переписываться с Лизой по Интернету, потом покрасить полы в комнатах и на веранде, сменить рамы и поставить мягкий диванчик, может картину какую повесить для красоты, но главное – оборудовать по всем правилам теплый туалет, чтобы хворой заморской гостье не скрючиваться над холодным «очком». Где туалет, там и колодец-септик, а где септик, там должен быть удобный подъезд для бочки. По всему выходило, что придется переделывать столярную мастерскую в сортир и жертвовать клумбой с георгинами у ворот.

Петровича это сильно огорчило, а супругу, не смотря на георгины, обрадовало. Она давно зудела про теплое удобство и имела зуб на мастерскую, где Петрович не столько пилил-строгал, сколько пил пиво и вел длинные разговоры с Пашей, Витьком и охранником с черноморовой дачи. Если бы жена узнала, почему Петрович согласился на перестройку мастерской, она ликвидировала все уборные в радиусе километра, но Петрович умел держать свои мысли при себе и только изредка бормотал что-то по-английски. Домохозяйственную активность мужа Светлана Ивановна отнесла на счет неудачи с кладбищем и кризиса: ни Сузуки, ни

Кашкай они так и не купили, Петрович как ездил на старой «четверке», так и продолжал ездить, а рубли таяли, их надо было срочно потратить.

Двадцать тысяч двумя траншами Петрович решил выделить младшей дочке. Она поступила в калужское медучилище, получала стипендию, бесплатно жила у знакомой тетки в Малинниках за помощь по хозяйству, но молодой женщине надо приодеться, сходить в кино или куда еще, опять же зимние сапоги старые. С нескрываемым разочарованием дочь взяла первый транш, проворчала «Ну ты и жмот!», потом заскочила на минутку на кухню к матери и уехала в Калугу уже с тремя красными бумажками в кармане.

Пятнадцать тысяч в Обнинск сыну с невесткой на новый телевизор и еще четыре внучке на день рождения (Петрович решил каждый год дарить столько, сколько лет исполняется его любимице), шестнадцать жене на полушубок из мутона. Скрепя сердце, Петрович запечатал в отдельный конверт 10 тысяч для старшей дочери от первого брака.

Двенадцать лет назад она вышла замуж в Москву. Вышла торопливо, неудачно, быстро развелась, одна поднимала близнецов, которых на лето вывозила к Петровичу в деревню. Бледные московские росточки очень любили плескаться на мелководье у брода, обрывать без спроса клубнику в огороде и блинчики с медом наворачивать. Также они любили натягивать веревку поперек улицы, когда там катались на велосипедах другие дети. Перед этим они давили из поганок сок, разводили его тухлой водой, заряжали этой гадостью водяные пистолеты и, когда их пытались побить, отстреливались от преследователей, норвя попасть ядовитой жижей в глаза. Своей органичной и естественной подлостью они были очень похожи на бывшего зятя. Петрович все допытывался у старшей дочери, куда она смотрела, когда торопилась замуж. «Туда же, куда и ты, когда на ее матери женился», – встревала в разговор его нынешняя супруга. Она не любила падчерицу, та платила ей тем же. Женщины начинали выяснять отношения, а хозяин уходил или к Витьку, или с удочками за Прутомойную горку и не появлялся до самого вечера.

...Себя Петрович тоже не забыл, решил купить голубую куртку с заклепками, белые костюм и кроссовки, ведь Лиза приедет летом. На остальные деньги надо было приобрести ноутбук, диванчик, картину, импортный унитаз цвета топленого молока, мангал на колесиках и недостающие стройматериалы. Рамы Петрович делал сам, строить собирался тоже сам, а опустить кольца канализационного колодца ему обещал Витек, который в свободное от запоев время работал на экскаваторе.

Поначалу все шло очень хорошо. Только Петрович завез кольца для септика, началось запоздалое бабье лето. Сухие и теплые дни томили обещанием последнего счастья, перелески на том берегу наливались

тусклым золотом, жена досрочно срезала и выкопала георгины, а Витек взял в пятницу отгул и приехал на экскаваторе. Вдвоем с Петровичем они сняли пролет забора и тут же, без перекуров, Витек взялся за рычаги. Куча земли росла на глазах, яма дышала глиной и холодом. Петрович вспомнил свою бесславную кладбищенскую эпопею и сердце дернулось от дурного предчувствия. «Чё мрачный? – кричал Витек. Лопаткой стенки подровняешь, пока я отгоню экскаватор. Завтра приеду на кране, опустим кольца – красота! Не хочешь сам пачкаться, Моджахеда пришлю». (Моджахедом прозвали таджика, который работал на погрузке в магазине стройматериалов и делал черную работу по всей округе).

Не успел Петрович ответить, как ковш заскрежетал по камню. Вот оно и вылезло. Витек суетился, пытался подцепить и раскатать огромный валун то с одного бока, то с другого, месил гусеницами землю, обдавал Петровича выхлопами вонючей соляры. Бились с валуном до самого обеда, соседи давали советы, а Петрович уже точно знал, что камень не поддастся. «I'll never come back, did I make myself clear?» - спросила Лиза. - «Certainly, it is as clear as noonday». (1)

К вечеру яму закопали, забор поставили на место, кольца откатали в угол. «Весной что-нибудь придумаем, а сейчас у меня заказ на рамы, не могу я без мастерской» - пресек все разговоры мрачный хозяин. С бабами всегда так: завлечет, замутит душу несбыточными надеждами, поломает всю жизнь, а потом виль хвостом – и все, улетела, ты для нее пень, на котором она пять минут почирикала. Одно слово – канарейка. «I've never asked you for anything and I never promised anything. - возразила Лиза. In fact, I cannot understand how could one making use of that cold loo of yours, managed to reach sixty without a prostatitis. You guys from Volosatino have always been like savage.» (2)

«If you want we can try another place - предложил Петрович. - Since yesterday I want nothing – отрезала она. You may busy yourself with something more interesting. You wanted to hang a painting on the terrace wall, paint it and hang it, until your workroom is still not broken down. Your place is beautiful, I thought of it often. But let us stop here. Pardon, if something went wrong. I have to leave now...» (3)

1. «Я никогда не приеду, ты понял?» - «Еще бы не понять. Яснее не скажешь».

2. «Я тебя ни о чем не просила и ничего не обещала. Мне вообще непонятно, как можно дожить до шестидесяти без простатита с холодным сортиром. Вы, волосатинские, всегда были какие-то дикие».

3. Ну хочешь, мы завтра в другом месте попробуем» – «Я ничего не хочу со вчерашнего дня. А ты займись чем-нибудь интересным. Картину хотел на веранде повесить, вот сам нарисуй и повесь, пока мастерскую не

разломали. У вас красивые места, я их часто вспоминала. Ну все, прости, если что не так было. Мне пора». 02. 2009

Как Петрович оформлял пенсию

После истории с валуном Петрович резко поскучнел, стал чаще выпивать, но по-английски больше не бормотал. Супруга никак не могла доискаться причин произошедшей перемены, а Петрович от ее расспросов зверел и уходил с ружьем или удочкой на целый день. Жизнь заскользила под уклон и он не хотел тормозить. Он устал от обломов. То *фурзики* эти поганые, которые такой бизнес загубили, то наглые вороны на джипах и хаммерах, то неудача с туалетом. А новое название деревни! Скажешь в автобусе «передайте до Сатина без сдачи», обязательно кто-нибудь из старожилов засмеется, а скажешь «до Волосатина», обязательно окажется новый водитель, который первый раз название слышит. И печень стала болеть. И в сердце случались перебои. И у дочери с матерью какие-то секреты. Сглазила его канарейка, определенно сглазила.

Но однажды Петрович вспомнил, что через месяц ему выйдет пенсионный срок и надо оформлять бумаги. Петрович давно не работал на родное государство, предпочитал вольные хлеба. В совхозе платили копейки, постоянно выдергивали на сверхурочные, а тут он сам себе хозяин. Хочет – рамы строгают, хочет – развозит на «четверке» стройматериалы с обнинского рынка. Пчелы, грибы, рыбалка – дел невпроворот. Несколько раз брали с Витьком подряды на строительство бань и летних домиков, хозяева оставались довольны и звали его по старой памяти, если что надо починить или пристроить.

Петрович с трудом разыскал свою трудовую книжку. Последняя запись была десятилетней давности. Он работал тогда на совхозной пилораме, зазевался и отхватил циркулярной пилой указательный палец на левой руке. Палец отлетел куда-то в стружки, так и не нашли. Зашивал культю молодой хирург Анатолий Иванович. Это было его первое самостоятельное дежурство, он очень волновался, даже выпил для храбрости, поэтому культя вышла страшноватая. Но Петрович на Анатолия Ивановича обиды не держал, поскольку понимал, что надо на ком-нибудь учиться. После больницы Петрович забрал документы и больше нигде официально не числился. Еще для назначения пенсии был нужен паспорт, сберкнижка и документы на детей-иждивенцев. Все дети по сути иждивенцы, но по возрасту и отсутствию самостоятельного заработка только младшая дочка могла считаться таковой еще полтора года, пока не закончит училище. Не возбранялось также принести справку о заработке за 60 месяцев подряд за какие-то старые годы.

С девятичасовым автобусом Петрович приехал в город на разведку. У «четверки» барахлило сцепление и он решил не рисковать. Перед собесом стояла толпа, писали какие-то списки, поговаривали, что записавшимся точно выйдет дополнительная прибавка к пенсии. Петрович тоже записался на всякий случай и пошел на второй этаж на первичный прием. Часа через два, когда он совсем содрал от жары в узком коридоре, подошла его очередь. Разбитная деваха бросила наметанный взгляд на документы и прокуренным голосом посоветовала Петровичу хорошенько поискать трудовую книжку, где записаны последние 10 лет, иначе будет плохо: по недавнему указу полную пенсию начислят только тем, у кого набирается 30 лет стажа. Если больше – за каждый год добавляют по 500 рублей в месяц, а если меньше – по 500 отнимут. Петрович, даже когда неплохо зарабатывал на пилораме, норовил уволиться перед летом, чтобы спокойно заниматься строительством, пчелами и сдавать лисички в приемный пункт на вокзале по 80 рублей за кило. Бывали дни, когда он из-за оврага этих лисичек приносил на тысячу рублей, вот стажа-то и не добрал.

По имеющимся документам деваха насчитала ему пенсию в размере 283 рубля 50 копеек и пообещала бесплатный проезд до Воровска в рейсовом автобусе и похороны за счет казны. Петрович расстроился и вспотел еще сильнее. Но его утешили, сказав, что есть такие, которые по 5-7 тысяч в месяц должны государству, особенно замужние женщины с высшим образованием, в Воровском районе их немного, а в Москве проблема будет стоять очень остро. Женщины эти глупые учились в институтах, выходили замуж за верных и работающих мужиков, рожали им по несколько детей и растили их дома, не торопясь отдавать в ясли и сады. Теперь их не отпустят на заслуженный отдых, принудительно оставят на работе, чтобы из зарплаты вычитать пенсионную недостачу. А кто не хочет работать дальше, не хочет отдавать долг родному государству, пусть подписывает отказ от будущей пенсии. «Хорошо, что не родился бабой» - подумал Петрович и пошел покупать шоколадные конфеты для Лидочки из сельсовета. Потом подумал еще и купил подарочную водку в коробке для нового председателя, чтобы уж наверняка.

Через три дня он приехал снова, привез трудовую книжку, состаренную наждачкой и залитую для правдоподобия пивом, сказал, что книжку потеряли, когда ремонтировали сельсовет, а теперь вот нашли в подсобке, немножко отсырела, но все печати на месте и номера приказов можно прочитать. Петрович также привез фальшивые документы о зарплате за последние три года, но они негодились, поскольку в компьютере петровичева зарплата с начала нового тысячелетия, когда эти машины по всем райцентрам поставили, все равно не просматривалась. Зато «на ура» прошли справки за 60 месяцев непосильного труда на пилораме с окладом вдвое выше действительного, и теперь из него больше

ничего не вычитали, и пенсия получилась на загляденье – 5 тысяч 238 рублей. За дочку на иждивении временно начислили четыре сотни без трех рублей, за отрезанный циркулярной пилой палец неожиданно добавили еще 186 р. в месяц. Мелочь, а приятно. Но деваха подпортила радость, сказав, что самая большая доплата положена за утерю среднего пальца на ноге. Его труднее всего отрезать циркулярной пилой. Если нет двух и более пальцев, то получается хромота, инвалидность и пенсия считается совсем по-другому, а один средний палец на ноге – это самое то. Но кто ж десять лет назад мог угадать, по какому принципу гражданам будут начислять пенсию!

Первые деньги должны были прийти на сберкнижку через две недели после проверки всех документов. За проверку Петрович не беспокоился: сестра одноклассницы его жены как раз сидела на должности заместителя старшего инспектора по Калужской области, дочка пообещала зайти к ней с коробкой конфет. Петрович вышел из собеса окрыленный, купил в «Просторе» две бутылки, дорогой копченой колбасы, печенья с кокосовой стружкой и стал ждать трехчасовой автобус. Только одно смутно тревожило: в этот раз толпы во дворе собеса не было, про списки никто не знал, и сам он не помнил, на какую именно прибавку записался в прошлый приезд. И зачем-то оставил домашний адрес вместо того, чтобы узнать, когда приезжать на следующую перекличку.

Дальнейшие события показали, что Петрович тревожился не зря. Буквально через два дня, в обед, когда супруга была на работе, в дом без стука вошли два веселых типа с медицинским чемоданчиком, сверились с потрепанным списком, переспросили, точно ли Александр Петрович перед ними и поздравили его с дополнительной прибавкой к пенсии в размере трехсот рублей в месяц. Только хозяин хотел поинтересоваться, что ему для этого надо сделать, как типы в ответ на не заданный вопрос на два голоса стали объяснять, что все делать будут они, поскольку располагают секретной информацией с заседания правительства о будущих изменениях в пенсионном законодательстве. Один сунул Петровичу под нос какую-то бумагу с обведенным красным фломастером абзацем и гордо сказал: «Стенограмма подлинная!», а другой спросил, где можно помыть руки. В абзаце было сказано, что в последнее время участились случаи членовредительства в области среднего пальца ноги, поэтому правительство планирует в ближайшее время снять эту надбавку, а высвобожденные средства пустить на доплату за воспаление, повлекшее гибель лицевого нерва.

Пока хозяин вникал в смысл длинного предложения, второй тип уже успел помыть руки и выложить из чемоданчика на одноразовую медицинскую салфетку вату, пузырек спирта и шприц с обезболивающим, а также маленький скальпель и склянку с нашатырем. Потом он помял Петровичу лицо холодными пальцами и особым врачебным терпеливо-

успокоительным голосом объяснил, что во время операции больно не будет, поболит немного, когда отойдет заморозка. Лицо, конечно, перекосит, перекося надо будет зафиксировать в медицинской карточке после того, как исчезнет след от разреза, но до того, как обнаружат секретное постановление, иначе диагноз будет недействительным, как случилось с пальцем на ноге. Типы так наседали, затиснув Петровича в угол кухни, так расписывали преимущества маленькой операции всего за тысячу рублей, после которой он будет получать в год лишние три шестьсот, что не слышали стука входной двери.

При виде супруги, вернувшейся домой во внеурочное время, все потеряли дар речи. А она – руки в боки – поперла на незваных гостей как трактор на забор: и кто вы такие, и что вам здесь надо, и какая такая операция, и Петровича она не отдаст под нож даже за миллион рублей. Старший попытался было перевести стрелки, мол, если отказываетесь от наших услуг, оплачивайте транспортные расходы от города до Волосатина в оба конца с учетом амортизации подвесок на ваших колдобинах, но супруга отвесила одному такую подвеску и так запустила флаконом нашатыря в другого, что всем пришлось бегом бежать из кухни от лекарственного зловония.

Прогнав мошенников и выкинув осколки флакона, супруга переключилась на Петровича. Она припомнила мужу все свои страдания за тридцать лет жизни, все его грубости и глупости, все пьянки-рыбалки, всех *фурзиков*, все загубленные георгины, все засаленные рубашки и дырявые носки, всех волосатинских предков-дуболомов, а также первую жену и подозрительную Лидочку из сельсовета.... Она ругалась, гремела стульями и посудой, а разомлевший Петрович сидел в углу и думал, что все-таки она его любит, раз не согласилась на увечье мужа даже за миллион рублей.

Разрыхлитель текста

Несколько дней спустя Петрович разгребал у ворот молодой снег и нашел борсетку, которую второпях обронили мошенники. В борсетке обнаружился тюбик крема, пять маленьких пакетиков, перетянутых аптечной резинкой, рекламная листовка с призывом приобрести золотой сервиз для компота, инкрустированный брильянтами, (точная копия сервиза турецкого султана Ахмета) со скидкой 50%, а также читательский билет в библиотеку обоев с мутной фотографией и две мятые пятыхатки. Деньги Петрович по-тихому взял себе, чтобы не нервировать супругу размышлениями, что бы такое купить на нечаянную прибыль, рекламную листовку, борсетку и читательский билет выкинул без сожаления, так как в библиотеки, тем более обоев, он никогда не ходил и борсеток не носил, а компот пил редко и обычно прямо из кастрюли. Но тюбик и пакетики

смутили его странным содержанием. Крем, если верить надписи, надо было применять исключительно после битья, и как ни старался Петрович угледеть пропущенную букву «р», ее нигде не было и даже места для нее не предусматривалось.

От греха подальше (вдруг рожу перекосит?) он отдал крем Витьку, тот согласился испробовать на себе тем более охотно, что часто влипал в разные истории с одним и тем же концом, после которого приходилось отлеживаться. Ждать, пока случится какая-нибудь драка, Витек не мог, он вообще не мог оставаться в стороне, молчать, держать свои мысли при себе, проявлять предусмотрительность и терпеть, что плохо сказывалось на его личной и общественной жизни, поэтому на следующий же день экскаваторщик специально поругался на политические темы со старшим Чугункиным и получил в глаз. Пока дошел до дома, глаз затек черной кровью и перестал открываться. Крем из волшебного тюбика за пять минут ликвидировал все последствия мордобоя и Витек прибежал благодарить друга с двумя бутылками «Путинки». Он так расхвалил подарок, что Петрович десять раз пожалел о своей доброте. Но в любом случае ситуация с кремом разъяснилась.

А вот с пакетиками дело обстояло хуже. По виду они очень напоминали расфасовку ванилина или корицы, но написано на них было «Разрыхлитель текста». Супруга попыталась было забрать пакетики себе для кондитерских нужд, разрыхлять тесто, но Петрович не отдал, сказал, что будет испытывать сам, и не на песочных коржах, а на печатной продукции в виде районной газеты. Петрович не выписывал газет, но всегда старался купить в Воровске пятничный выпуск с программой телепередач на будущую неделю.

Он нашел старый экземпляр, посыпал порошком, подождал несколько минут, но ничего не произошло. Высыпал весь пакетик, подождал еще – снова ничего. Хотел выкинуть газету, но отвлекся на выпуск новостей по телевизору, потом закрутился сериал про бандитов и ментов, потом супруга капризным голосом позвала в постель, и газета осталась на столе. На другой день Петрович не поверил своим глазам. Порошок действительно разрыхлил текст. Он рассыпался на отдельные фразы, даже на отдельные слова, которые к утру криво слиплись друг с другом в новом порядке, что нисколько не сказалось на смысле статей: его по-прежнему было не густо.

Петрович разошелся и посыпал сразу несколько газет. С полчаса ничего не менялось, но что-то происходило, чувствовалось, что порошок вдумывается в содержание написанного и принимает решение. Потом зашуршали осыпающиеся буквы. Первыми разрыхлились и осыпались «Новости недели». Умом Петрович понимал, что порошок прав. Автокатастрофы, взрывы на Кавказе и в Багдаде, бандитские разборки и казнокрадство чиновников, равно как и бесконечные светские скандалы, а

также лукавые статьи про экономическую стабилизацию и независимую народную партию нельзя считать новостями, но все равно было чудно. Кое-где уцелели заголовки «Курьер культуры» и «Спортивная арена», но под ними горками лежали перепутанные слова, намекавшие на то, что культура влачит жалкое существование, а на арене опять вели себя неспортивно. Затем он опробовал порошок на своей любимой серии про «Бешеного волка». Первый том уцелел приблизительно на 1/10, остальные превращались в труху целыми главами; потом пришлось пылесосить кухню. Догадываясь, что произойдет, Петрович посыпал брошюру «Кулинарные исцеляющие рецепты Великой Ванги» и «Лунный календарь домохозяйки», которые дочка купила в электричке, – та же самая история. В азарте он хотел попудрить разрыхлителем текста Библию, но супруга не допустила святотатства и спрятала книгу в шифоньер под замок. Впрочем, Петрович не очень настаивал. В глубине души за Библию он был спокоен, а порошка оставалось мало.

Эх, на Канта бы насыпать, да «Критику чистого разума» выпросил комендант базы, который стал плохо спать после того, как построил особняк на сэкономленные университетские средства. Петрович его тогда пожалел и отдал замечательную книгу. У него была любимая глава в начале первого раздела «Трансцендентальной диалектики». На второй странице рассуждений про понятия чистого разума Петрович железно засыпал, зато первые полторы от многократного прочтения выучил наизусть, чем поражал умников из ГСУ и сбивал с них столичную спесь. Как поставит вопрос ребром: обладают ли чистые понятия объективной реальностью или содержат в себе только форму мышления? И вообще, что делает возможным априорное синтетическое суждение и какую роль в процессе играет трансцендентальное единство апперцепции?? Умники только выпучивали глаза, судорожно сглатывали и мычали в ответ что-то невразумительное, а потом уважительно угощали Петровича из своих московских запасов. Так он попробовал и «Ваньку-ходунка», и сливочный ирландский ликер, и настоящий кубинский ром, и много чего еще.

И тут его взгляд упал на растрепанную папочку, в которой лежали внучкины рисунки с бубнилками. Девочке пошел пятый год, она обожала рисовать и могла за выходные изрисовать целый альбом. Пачкая бумагу, она все время что-то приговаривала и несколько раз супруга и невестка записывали за ней прямо на прежних рисунках путанные рассказы про бабу с дедом, птичек, рыбок и все такое прочее. Вот эти-то записочки Петрович вознамерился испытать порошком. Зудело нестерпимо, словно бес под руку толкал, но пришлось терпеть до следующего утра, когда дома никого не будет. Пол ночи Петрович пытался угадать, как обернется дело. Вдруг все исчезнет? Надо бы копию какую снять, потом ведь не вспомнишь, что она там плела, как не помнил Петрович забавных слов собственных детей, над которыми он когда-то смеялся и пересказывал за бутылкой бездетному

Витьку. Но не ехать же в город в контору БТИ, где в заплыванном коридоре стоит ксерокс – десять рублей страница, засмеют, у всех документы с гербовыми печатями, нотариальные доверенности, планы домов и участков, а он с бубнилками на детских рисунках.

Оставшись утром в одиночестве, Петрович посыпал страничку, наугад вынутую из папки, и пошел на кухню пить чай, чтобы убить время. Стрелки на часах тащились, как инвалиды на субботник. Пришлось доставать недопитую «Путинку». Наконец полчаса вышло, он заторопился в комнату и уже с порога услышал знакомый шорох осыпающихся букв. Эх, надо было ксерокс снять!

Удивительно, но рассказ сохранился. С листочка, измазанного акварелькой, осыпались только ошибки, которые сделала не особо грамотная невестка, вывалились добавленные ею казенные слова, отсебятина, одним словом. Все, что внучка пыталась сказать, но по малолетству не могла складно выразить, проклюнулось через трещины разрыхленных строчек. Все подровнялось, все концы с концами сошлись, даже заголовочек появился «Мама Лягушка и Вороненок».

Вот какая из внучкиной бубнилки вышла сказочка: «Жила мама лягушка. Выбрала она канаву и родила головастика. Раз приходит она к своим детям и видит, что канава пуста, в ней нет воды, головастики вот-вот погибнут. Села она и заплакала. Летит мимо вороненок и говорит: «Что ты плачешь, матушка-лягушечка?» - «Как же мне не плакать, вороненок! Канава вот-вот опустеет, головастики вот-вот погибнут». Вороненок ей отвечает: «Ничего, мы тебе поможем». И созвал вороненок всех птиц, созвал и сказал: «На то мы и птицы, что нам стоит? Возьмите каждая птица по головастику и отнесите вон в тот пруд». А мама лягушка думала, что птицы хотят съесть ее детей, и старалась прикрыть их лапами. Но вороненок объяснил, что они хотят помочь ей: не съесть, а отнести в пруд. И когда мама доскакала до нового пруда, то там уже плавали все ее дети. И она сказала большое спасибо от всей души сначала вороненку, а потом всем птицам. Конец».

Так значит, те черные кляксочки были головастиками? Как же я сразу не догадался. Эх, внученька, добрая душа, а нас кто прикроет лапами, кто отнесет в чистый пруд?

Петрович все сидел, перечитывал внучкин рассказ, и ему тоже хотелось сочинить что-нибудь хорошее и доброе. Изложения в школе ему не давались, но сейчас что-то просилось наружу, на бумагу, он просто обязан был это записать, но не получалось, как никогда не получалось утром пересказать сон, который, пока он снился, казался совершенно ясным и очень-очень важным. Тогда Петрович решил писать все, что придет в голову, а потом посыпать разрыхлителем: если внутри себя он чувствовал честно и правильно, порошок поможет проклюнуться нужным словам.

Посмотрел, а порошок в последнем пакетике закончился. И буквально через минуту на базе врубили музыку и зажгли прожектор – встречать московских гостей, а потом приехала с работы супруга, и они с Петровичем сели к телевизору обедать и решать, где им праздновать Новый год: у сына в Обнинске или у дочери в Калуге....

23. 09. 2009

Имеющий уши да слышит

Пока Петрович был занят оформлением пенсии, в столице происходили интенсивные политические процессы. Коматозный пейзаж общественной жизни вдруг вспучился и оживился, заставив вспомнить кипение уличных страстей на заре перестройки. Буквально на ровном месте, в одном из переулков в пределах Садового кольца в ходе ремонтно-восстановительных работ забил мощный гейзер новой политической партии. Число ее сторонников росло не по дням, а по часам. Это могло означать только одно: партия нащупала болевую точку и выразила чаяния народа. А чаяние было очень простое – чтобы власть не трындела что-то свое, как глухарь на токовище, а слушала и, главное, слышала своих граждан. Поэтому вполне закономерно новая партия назвалась «Чуткое ухо России». К новому году число ее членов перевалило за 100 тысяч и продолжало расти. Грамотная агитация охватила все слои населения и все регионы. Крупнейшие операторы сотовой связи стали корпоративными членами и развернули кампанию в поддержку «Чуткого уха» среди своих клиентов.

Одной из первых была создана специализированная детская секция «Розовое ушко». Девочкам, вступавшим в партию, дарили дешевые сережки из цыганского золота с партийной символикой, мальчики получали наушники. Интенсивно развивалась программа для пенсионеров «Мудрое ухо», которую на плакате представляла бабушка из «Красной шапочки» со словами «... чтобы лучше слышать». Параллельно с основным ядром было создано оппозиционно-радикальное крыло «Свободное ухо России», в которое без всяких финансовых приманок мгновенно побежала вечно недовольная интеллигенция.

Лозунги «Уши – наше богатство», «Лапше не место на наших ушах», «Имеющий уши да слышит», «Больше ушей – больше демократии», «Сделаем глухонемых полноправными членами общества», «Не хлопай ушами, а топай ногами» стали необычайно популярными, и независимые рэперы повторяли их, как заклинания, в своих речитативах. Университетская молодежь провела акцию «Услышь глас народа!», которая заключалась в раздаче перед Московской мэрией слуховых аппаратов чиновникам, спешащим утром в свои кабинеты. Юрию

Михайловичу вручали аппараты три раза, чтобы все телеканалы успели сделать репортажи. Мэр добродушно улыбался в камеру.

Летом в «Этномире» под Воровском должен был состояться первый международный фольклорный фестиваль «Я ухо приложил к земле» с участием самодеятельных коллективов и клубов исторической реконструкции из 12 стран, а также профессионального ансамбля чукотских шаманов.

На поэтический конкурс (участие платное, 1000 рублей с человека, количество произведений одного автора ограничено количеством имеющихся у него ушей, также обязательно упоминание в стихотворении уха, слуха или звука) было прислано 36 тысяч стихотворений. Некоторые прислали по три стихотворения, подтвердив свои права справками из Чернобыльской зоны и окрестностей Семипалатинского полигона.

Легкая промышленность страны стала выходить из кризиса благодаря заказам на производство тряпочных ушей на проволочном каркасе, а также ушей из поролона, пластмассы, кожи, каучука, кристаллов Сваровски и драгоценных мехов – на любой вкус и кошелек. Даже металлические уши расходились неплохо, хотя были холодными и тяжелыми; они интенсивно использовались в наружной рекламе. Высокие цифровые технологии воспряли ото сна и начали удовлетворять нужды партии в области звуковоспроизводящей, записывающей и подслушивающей аппаратуры.

По прогнозам конкурс в медицинские вузы на специальность «отоларинголог» должен был превысить 30 человек на место. Выпускникам школ разрешили подавать заявления одновременно в пять обычных и только в три «ушных» вуза: консерваторию, медицинский и высшую школу ФСБ. Сурдопереводчики и сурдопедагоги неожиданно для себя стали элитой страны, несколько представителей этих забытых Богом профессий вошли в Общественный совет при Президенте, потеснив актеров и академиков.

Но все хорошо не бывает: участились случаи вандализма в отношении рекламных ушей; ночами их спиливали и сдавали в металлолом. Дальше – больше. Со склада реквизита на Мосфильме украли огромное ухо, принимавшее участие в съемках фильма «Солярис» режиссера Тарковского. Предполагаемых преступников объявили в международный розыск. Министр внутренних дел назвал это дерзкое преступление вызовом всей системе безопасности страны и взял расследование под свой личный контроль. Под горячую руку был запрещен анекдот про обезьяны уши в панировочных сухарях, а от рок-группы «Слуховые галлюцинации» потребовали изменить название.

И все же хорошего было неизмеримо больше. Наконец-то огромная страна получила позитивный вектор развития, давно искомую национальную идею, которая сплотила представителей всех слоев

общества и заставила позабыть о социальном расслоении, поскольку уши, самая большая ценность и гордость, были распределены исключительно равномерно.

Петрович на новое движение смотрел скептически, а Витек был преисполнен энтузиазма. Он как-то сразу понял, что пробил его час, надо не упустить возможность, которая открывается один раз в жизни. Он несколько раз ездил в Москву на митинги, получил отметки в карточке сочувствующего и был принят без испытательного срока в районную партийную организацию. Петрович честно пытался понять, что так влекло друга в ряды, но тот уходил от прямого ответа и отговаривался тем, что ему всегда нравились москвички. Петрович понял это так, что Витек познакомился на митинге с какой-то бабой, к которой ездит теперь за партийный счет. Неужели нашлась такая, что не побрезговала неказистым, постаревшим Витьком, который давно растерял в драках передние зубы?

Вскоре после новогодних праздников друг получил первое серьезное задание: повесить партийную эмблему, фанерное ухо, в Красных Маяках у здания почты, половину которого отобрали активисты районного отделения партии и сделали там свою штаб-квартиру. Повесить приказано было высоко, но никакого подходящего столба, кроме электрического, рядом не оказалось, а гады электрики запретили на него вывески вешать, поэтому Витек положил глаз на старую липу за воротами почты. Чтобы летом листва не застила ухо, надо было спилить два или три больших сука. В обеденный перерыв Витек с шиком подъехал к почте на экскаваторе, выгрузил лестницу и бензопилу, двигатель глушить не стал, делов-то на десять минут. Полез наверх, картинно матерясь и отводя от лица ветки. Но лестница, зараза, быстро кончилась, пришлось лезть по сукам. Наконец Витек забрался повыше и стал опиливать липу со стороны улицы. Временами он кидал презрительный взгляд на почтальона в окне, потом переводил на перелески, которые растеряли все свое золото, но смотрелись очень даже миленько на фоне синего неба и свежих сугробов. Ухо, тщательно покрашенное эмалью цыплячьего оттенка и покрытое для верности яхтным лаком, светило из кабины экскаватора как второе солнышко.

Когда он примеривался к последней ветке, почтальон высунулся в форточку и крикнул, что только дебилы пилят сук, на котором сидят. Витек счел это замечание проявлением зависти к его партийной карьере. Почтальон продолжал кричать, но Витек послал его куда подальше и снова запустил бензопилу. Почтальон pokrutil пальцем у виска и закрыл форточку. По радио покойный Муслим Магомаев исполнял по заявкам слушателей свой хит «Чертово колесо». На словах «...я лечу, эх!», которые баритон выпевал с особой удалью и вкусом, Витек упал.

Скорая, которую вызвал почтальон, приехала через час, хотя ехать от больницы до Маяков от силы десять минут. Когда Анатолий Иванович

посмотрел на то, что выложили перед ним на операционный стол, он понял, что не избежать ему служебного расследования смерти пациента во время операции. Пульс Витька был частый и слабый, давление 60 на 30, но хирург все-таки взялся за скальпель. Он удалил разорванную селезенку, откачал чуть ли не полтора литра крови из брюшной полости, промыл антибиотиками и зашил разрез, потом дрожащими руками кое-как сложил и загипсовал переломанные кости правой ноги, а с переломом шейки левого бедра ничего делать не стал. Если выживет, что-нибудь придумаем. В это время медсестра Наташа переливала Витьку реополиглюкин и эритроциты и очень переживала, что случись беда с роженицей, ей перелить нечего, все этот алкаш захапал.

К удивлению Анатолия Ивановича и главного врача Витек благополучно вышел из наркоза и каким-то чудом избежал перитонита, пневмонии и гнойных осложнений. Он пролежал в больнице до середины апреля. Петрович навещал его через день, приносил кислую капусту, брил и обтирал шампунем пополам с водкой, чтобы не было пролежней. Когда больной окреп настолько, что смог провисеть пару минут на костылях, Анатолий Иванович разрешил перевезти его домой. Накануне выписки Петрович с супругой проветрили, вымыли и натопили избу, набили холодильник продуктами и приделали у кровати специальную перекладину, чтобы Витек мог подтягиваться и самостоятельно переваливаться на стул с дыркой и обратно на кровать.

Больной очень радовался, что он опять дома, что пришла весна, что Петрович его не бросил. Он торопливо строил планы, как накопит 15 тысяч на протез тазобедренного сустава, как будет снова ходить на охоту и на рыбалку, может даже уговорит переехать в деревню свою московскую знакомую, чтобы не коротать старость одному. Утром 9 мая Петрович забежал к Витьку поздравить с праздником и вытащить ведро. Обещал зайти с бутылкой вечером, когда посадит картошку на дальнем огороде. Вечером Витек не отозвался. Он лежал на полу и хрипел. Умер в машине скорой помощи по дороге в больницу. Анатолий Иванович потом сказал, что это был тромб, который мог образоваться от долгого лежания, а потом оторваться и закупорить легочную артерию.

На другой день Петрович сходил к новому председателю, договорился, чтобы все необходимые для похорон причиндалы оформили как материальную помощь ветерану труда, и пошел копать могилу на сосновом пригорке, недалеко от двоюродной сестры. Песчаная почва хорошо прогрелась, пахла хвоей, новорожденной травой и веселой муравьиной жизнью, копать было легко, и Петрович все думал, ну чтоб Витьку послушать почтальона, был бы сейчас живой. Или еще раньше послушать Петровича и не лезть в эту дурацкую партию, которая заставляет своих членов уши по деревьям развешивать. Или еще раньше послушать материнского совета и жениться хоть на ком-нибудь. Ах, как

мама Вера его перед смертью просила, словно чуяла одинокий и безвременный конец сына. И тут до Петровича дошло, почему друг вступил в «Чуткое ухо России». Эта партия собирала в свои ряды всех, кто на самом деле не слушал никого и громко кричал на митингах, поскольку боялся тишины. Всех, кто вернувшись домой, сразу включает телевизор. Собирала одиноких и несчастных, а этого добра на нашей земле хватает.

«Имеющий уши да слышит». Эх, Витек, Витек! 28. 10. 2009

Как Петровичу появилось что вспомнить на том свете

Приблизительно через месяц после смерти друга Петрович возвращался из Москвы в битком набитой субботней электричке. Киевское шоссе расширяли, поэтому для движения осталось по одной полосе в каждую сторону, ездить на машине стало совершенно невозможно. Выручали пригородные поезда.

В тот раз сквозь плотно утрамбованную толпу туристов в последнем вагоне не смогли протиснуться ни книгоноши, ни безбилетники, ни контролеры, ни попрошайки с баяном, ни Петрович с тележкой. Так и стояли всякой твари по паре на одной ноге в тамбуре, надеялись, что народ рассосется ближе к Опреловке. Петровича притиснули лицом к стенке, он терпел из последних сил, ждал, что на следующей остановке кто-нибудь выйдет, но на следующей в тамбур лезли новые пассажиры, воздуха не хватало, и в какой-то момент он потерял терпение и стал задом отпихивать мужика, который пытался пролезть в вагон по его ногам и тележке. И тут мужик сказал знакомым голосом: «Ты что, совсем спятил?» Петрович повернул голову – а это Витек, ни капельки не изменился, такой же веселый, тщедушный и беззубый, но самое главное – живой!

Бешеная радость ударила в грудь, он обнял Витька за шею, притиснул к себе еще плотнее, даже спросить ничего не мог, просто держал, чтобы друг никуда не делся. Но Витек и не собирался никуда исчезать. Петрович стал извиняться, что мы тебя того, ну сам знаешь, вроде похоронили, а Витек смеялся, как видишь, не до конца, я у своей москвички отсиживался. Да что мы тут мучаемся, давай выйдем на следующей станции, посидим, поговорим, холодного пивка выпьем. Они стали протискиваться к выходу. Поезд затормозил, с шипением раздвинул двери, но Петрович вдруг передумал выходить. Лучше сразу махнуть домой, в Волосатино, обрадовать всех. Витек не слушал, тащил его на платформу. Да ладно, успеем в деревню, день только начинается. Петровичу не понравилось, что друг продолжает прятаться от своих и не торопится домой, он стал вполоборота в проеме двери и потянул Витька обратно в вагон. Витек оказался неожиданно сильным и не уступал. Тут двери снова зашипели, стали съезжаться и больно ударили Петровича в грудь и левую лопатку. У него остановилось дыхание и от этого он проснулся.

Сердце не стучало.

Секунд через десять, которые показались вечностью, оно бухнуло изнутри в ребра со страшной силой, а потом мелко зачастило, наверстывая пропущенные удары. Петрович разбудил жену. Увидев его серое лицо и ужас в глазах, она запричитала и побежала как была в ночной рубашке к соседям за машиной. Потом доктор сказал, что у него случился инфаркт, и жена молодец, что не стала дожидаться «скорой помощи» и сама привезла в больницу.

Откачали Петровича быстро и через две недели уже выписали. Три месяца после этого он честно пил все положенные лекарства и ходил осторожно, прислушиваясь к шевелениям маленького зверька в грудной клетке. Зверек царапался редко, вел себя довольно спокойно и страх, что он вырвется на волю и сбежит навсегда, постепенно отступал. Силы прибывали, доктор одобрял кардиограмму, и Петрович все чаще забывал принять лекарство. Он бросил мерить давление и, наконец, окончательно взбунтовался, отказавшись брать путевку в убогий местный пансионат, который выдавал себя за кардиологический санаторий.

На что мне этот санаторий с его котлетами из хлеба без соли, овсянкой на воде и бесплатными клизмами! На что эта долгая здоровая жизнь, если ничего в ней не светит, никакой радости, как родился, так и помрешь в Волосатино, даже моря живую ни разу не увидишь! Молодежь, вместо того чтобы детей рожать, чуть денег накопит, по турциям да по египтам теперь путешествует, а мне на том свете и вспомнить нечего будет. В армии три года видел только забор и колючую проволоку, охранял стратегический, блин, объект. Когда демобилизовался, дальше Калуги и Москвы никуда не ездил. Единственный раз собрались на машине на юг с детьми, так сломались под Воронежем, еле-еле назад вернулись.

Супруга Светлана Ивановна сперва ругалась, потом смеялась, а потом призадумалась и поняла, что ей тоже будет нечего вспомнить. Сын помог заполнить анкеты и получить загранпаспорта. В середине декабря они расписались в Обнинском ОВИРе за документы и сразу выкупили горящий тур в Египет: пирамиды, Каирский национальный музей, сувенирный рынок и четыре дня на море. Пенсии Петровича за год как раз хватило на «7 дней / 6 ночей», новые кроссовки и пакет лекарств на случай сердечного приступа. Леопардовый закрытый купальник 58-го размера супруга покупала уже на свои.

.....

В последний день они сидели под зонтиком и смотрели, как на горизонте в синем мареве идут из Суэца на юг сухогрузы, а на север - танкеры. За час Петрович насчитал 18 штук. Три минуты – корабль, три минуты – корабль. Ночью, наверное, пожиже, но тоже идут. Сосед проследил за его взглядом и пояснил, что доходы от канала составляют

почти половину египетского бюджета, а акции жутко прибыльные. Этот не иссякающий поток кораблей поразил воображение Петровича больше, чем разноцветные морские рыбы, цветущие в декабре бугенвиллии и мумии в Каирском музее, вместе взятые.

По возвращении домой он о чем-то долго советовался с комендантом базы и несколько раз ездил в Москву к своему армейскому товарищу Герману Свекольникову, который после службы осел в столице, сделал карьеру и работал финансовым консультантом. По его совету Петрович несколько раз покупал на пенсию валюту и открыл электронный счет в геркином банке. Потом снова ходил к коменданту, у которого был служебный Интернет; они часами что-то искали в сети. На верстаке в мастерской супруга нашла диковинную книгу некоего Желтовского «Язык Сомали».

В мае, аккурат под Витькину годовщину, Петрович торжественно объявил, что они с комендантом купили акции иностранной транспортной компании и ожидают скорую прибыль. Супруга долго ругала старого дурня, который возомнил себя брокером и на старости лет останется без штанов, но Петрович своих секретов не раскрывал и в пререкания не вступал. Ближе к Новому году приятели действительно получили небольшие дивиденды и превратили их в интернет-магазине Петрович – в новый холодильник, а комендант, у которого акций было больше, – в квадроцикл. Положив руку на холодильник, как на Библию, Петрович торжественно пообещал жене, что через год он точно купит Сузуки или Кашкай.

Это было похоже на сказку, но после пирамиды «МММ» в его семье в сказки не верили. Родня не на шутку заволновалась. Страх остаться без наследства и выплачивать долги, наделанные сумасшедшим отцом, сплотил детей от двух его браков. В последнюю декабрьскую субботу они в полном составе съехались в Волосатино. Петрович пытался шутить насчет досрочной встречи Нового года, но все сидели с каменными лицами, на юмор не реагировали и требовали отчета, в какую авантюру он ввязался. Люська, старшая дочь, просто из кожи вон лезла и кричала, что вызовет психиатра и отправит отца в дурдом, а если из дурдома быстро выпишут, то в богадельню. И удивительное дело, супруга ей поддакивала. Петрович был ошеломлен: вместо радости, вместо благодарности за недешевый подарок, за журавля в руках, они обвиняли его во всех смертных грехах, боясь когда-нибудь потерять свою ¼ синицы в небе.

Ну и черт с вами. Петрович нехотя выложил на стол распечатки. Дочки тупо смотрели на непонятные слова. Сын, который немного знал английский и частенько смотрел биржевой канал, сообразил первым и просто покотился по дивану от хохота.

«Джек-Воробей, ой, держите меня! А ты, мать, замужем за мафией. Ну, батя, зажег на старости лет. Нет, Джек-Воробей отдыхает, он до такого не додумался».

А случилось вот что. После поездки в Египет Петрович долго искал в сети с помощью ушлого коменданта и его не менее ушлого сына-программиста акции Суэцкого канала, но они не торговались, зато нашлась какая-то сомалийская фирма, якобы занимающаяся сопровождением судов из Красного моря в Индийский океан. Петровичу и коменданту сын-программист купил несколько акций этой фирмы на сетевом аукционе.

Это уже потом написали, что сомалийские пираты учредили специальную биржу, на которой торговались ценные бумаги семидесяти двух компаний, занимающихся морским разбоем. Грабеж проходящих через Аденский залив сухогрузов давал хорошую прибыль, акции пиратов быстро росли в цене. Петрович далеко не сразу понял, на какую лошадку поставил, но когда сообразил, рискнул и акции «Сомали Эскорт Интернэшнл» продавать все равно не стал. «Ты что же, с бандитами заодно? Они наших моряков берут в заложники, они людей убивают!» - возмутилась младшая дочь. Петрович отбивался, как мог. Во-первых, сперва не знал, а во-вторых, разбойники честно платят дивиденды, не то что российские компании, и кто настоящий пират, еще надо посмотреть. Этот рыжий электрик, или кто он там сейчас, уж точно всем сомалийцам даст сто очков вперед. Целую страну поставил раком, мать его за ногу.

Отсмеявшись, дети постановили: акции срочно продать, пока прибыльный бизнес пиратов не прихлопнула американская морская пехота или войска ООН, а отца с матерью (Люська сложила губы куриной гузкой и добавила «с моей мачехой») отправить в санаторий, полечить голову. На этот раз Петрович легко согласился, предвкушая, как будет рассказывать всем историю своей игры на пиратской бирже.

Теперь ему, черт возьми, есть о чем вспомнить на том свете.

13. 12. 2009

Корзина

В санаторий Петрович с супругой так и не поехали, не сложилось, зима прошла в пустых хлопотах, а в конце мая в правлении ему предложили небольшую, но срочную работу.

Председатель решил сдать на лето избу, которая раньше принадлежала Витьку. Теперь она перешла в собственность администрации сельского поселения как выморочное имущество. Комендант университетской базы по своим каналам нашел приличного постояльца, нестарого еще, лет шестидесяти, профессора, разведенного, который родился где-то под Воркутой, в молодости поработал кочегаром,

знал жизнь и с лица, и с изнанки и больших бытовых претензий не имел. Главное, чтоб было тихо и чтоб из окна красивый вид открывался. Комендант клятвенно заверил, что есть пустой дом с видом на реку. Профессор приехал в сельсовет на потрепанной Хонде, хотел сразу посмотреть «место своей летней дислокации», но председатель под каким-то предлогом отложил посещение и спешно вызвал Петровича.

Прежде чем показывать клиенту жилье, Петрович должен был вывезти на свалку все Витькино хоботье и покрасить полы и рамы. Обои тоже надо было переклеить, хотя тараканов и клопов у Витька никогда не водилось, может потому, что зимой во время запоев он топил избу нерегулярно. Газовое отопление не провел, не успел. Все успели, а он не успел. По правде говоря, просто не на что было ему батареи и прочую разводку делать, а домашние насекомые уважают тепло, это всем известно.

Ну и вообще, надо было оформить дом привлекательно для городского клиента. Лидочка, та самая, что подделала ради Петровича трудовую книжку, пообещала отстрочить новые занавески. Комендант пожертвовал плитку и полный газовый баллон, ставшие ненужными после газификации базы.

«Прибыль пополам» - разрешил сомнения Петровича председатель.

На свалку Петрович съездил только один раз, вывез кровать, на которой болел Витек, стул с дыркой, одеяло, две заплесневелые подушки и старую одежду из чулана, а все мало-мальски пригодные вещи, кроме посуды, перетащил к себе в мастерскую. Рука не поднималась выкинуть память о друге. Даже почерневшую, полусгнившую бельевую корзину оставил. С этой огромной продолговатой корзиной, в которую запросто можно было спрятать труп, когда-то ходила на речку полоскать белье Витькина бабка, а потом и мать, тетя Вера Ширинкина. Когда ручка у корзины сломалась, Витек выпросил ее у матери и приспособил для рыбной ловли.

Ловить корзиной можно было только в теплую погоду, потому что в холодной воде долго не пробудешь. Но зато в разгар лета лучше этой рыбалки ничего нельзя было придумать. Петрович и Витек приезжали под Прутомойную горку не рано, после полудня. Ставили «копейку» в тень. (После аварии под Воронежем Петрович подарил ее Витьку, а себе купил «четверку»). Доставали из кустов закопченный железный ящик с прорезями в днище, подпирали двумя кирпичами и закладывали в него полешки. Пиво и водку спускали в авоське в ручей. Потом, перебрасываясь шуточками, натягивали тренировочные штаны и рубашки, плотно шнуровали кеды. Петрович в кепке, Витек в какой-то невообразимой панаме и с корзиной спускались к реке. По горло в воде переходили на другой берег, вдоль которого тянулась илистая, заросшая рогозом и стрелолистом отмель.

Над отмелью кренились ивы, мешая свою прозрачную тень с блеском стремительной воды. Толпились комары и стрекозы. Шмыгали туда-сюда лягушки. Тучами носились в теплой воде мальки. Одурающе пахло безымянной травой и речными водорослями. Все живое торопилось вырасти, размножиться, дать плоды, поймать свой кусочек короткого летнего счастья. Людей местное общество не жаловало, и те на отмели появлялись редко. Здесь никто никогда не купался – слишком мелко, и не рыбачил – слишком все заросло. И мало кто знал, что сюда, в тину и речную траву, уходила пережидать нашествие воскресных рыбаков довольно крупная рыба. А Петрович с Витьком знали.

Петрович становился лицом против течения, набрасывал в корзину водорослей для маскировки и опускал ее боком в воду перед собой, стараясь левой стороной вжать в берег. Вода, встретив препятствие, с недовольным журчанием обтекала ноги, просачивалась сквозь прутья корзины. Кеды все глубже уходили в ил. Петрович замирал и не шевелился, даже если вдруг налетали овода. Витек крадучись заходил повыше и вдруг начинал орать и топтать по воде, поднимая жуткий шум. Иногда еще палкой лупил.

Брызги до небес, муть на полреки! Красноперки и голавли улепетывали вниз по течению, боясь оторваться от спасительных камышей. Если между корзиной и берегом оставалась полоска воды, они проскакивали мимо. Но Петрович был опытный ловец, корзину ставил правильно и хотя бы одна рыбка обязательно залетала в западню. Петрович отработанным движением, с поворотом, мгновенно выдергивал корзину из воды. Его личный рекорд был три штуки за раз.

Вода еще бежала между прутьев, а Витек уже подскакивал, нашаривал бьющуюся рыбу и перекладывал в целлофановый пакет. Потом они выжидали немного, поднимались метров на пять-десять вверх по течению и повторяли спектакль. Иногда с другого берега за ними наблюдали ошарашенные дачники, которые долго не понимали, чем это они занимаются, а поняв, никак не могли поверить, что на отмели, на полуметровой глубине можно корзиной собирать рыбу. Набрав пакет, друзья возвращались к машине, разводили в самодельном мангале огонь, развешивали на кустах трусики и рубашки, а сами шли купаться на глубину. Да, были времена, когда можно было оставить рыбу, все вещи в открытой машине, и никто не возьмет.

Петрович любил поплавать, но Витек торопил: скоро начнет темнеть, а мы еще не ели. Возвращались к красным углям, расстилали сверху фольгу и раскладывали на ней уснувшую рыбу. Пеклась она быстро; кожа с чешуей оставалась на фольге. Съедалась еще быстрее, особенно если подваливал кто-нибудь из знакомых мужиков. Витек заводился с пол-оборота, начинал хвастать, как он загоняет сразу по две-три рыбины, а ему (он небрежно кивал на приятеля) остается только

доставать улов из корзины. Все было не так, но Петрович не спорил. Когда выпивка кончалась и непрошенные гости уходили, Витек ложился покемарить на заднее сиденье.

Петрович оставался у костра.

От реки наплзал на опушку туман, растопырив в стороны бесплотные руки. Дым костра то призывно вытягивался ему навстречу, то отшатывался к лесу, у них начинались прятки и игра в любовь. Витек спал, похрюкивая во сне. Над ним звенели комары, он дергал искусанной ногой, но не просыпался. Петрович сидел, курил, смотрел на реку, на туман, на точку чужого костра ниже по течению и чувствовал, что жизнь исполнила все свои обещания. Сосновый пригорок выдыхал ему в затылок теплый воздух, настоенный на хвое и земляничном листе, от реки шла прохлада, а он пребывал меж ними в точке равновесия и покоя. Никуда не нужно было торопиться, ничего менять, нечего хотеть. Только смотреть, как встает луна и превращает поле из темно-зеленого в платиновое и как ночная птица нарезает бесшумные круги. И он просто сидел и смотрел. В кустах за спиной, в том месте, куда они выбрасывали рыбы головы, кто-то копошился, но Петрович не поворачивался, чтобы не нарушить призрачное совершенство.

Витек просыпался как всегда не вовремя и все портил. Начинал ворчать, что его съели комары, торопить Петровича домой, мочиться в костер, искать остатки водки. Петровичу хотелось надеть на него корзину, но нельзя. Однажды на излете новогодней ночи, когда Витек всех достал, Петрович нахлобучил ему на голову пятилитровую кастрюлю из-под салата оливье. Цирк был еще тот. Народ ухохотался, наблюдая, как незадачливый клоун пытается эту кастрюлю снять. Несколько месяцев прошло, прежде чем деревенские перестали смеяться при виде Витька и поминать новогоднее представление. Он бесился, лез в драку пять раз на дню, но ничего поделывать не мог: на чужой роток не накинешь платок. Нинка от него после этого ушла. Петровича за эту выходку он просто возненавидел; они целый год не разговаривали. Честно говоря, это был не лучший год в их жизни, и Петрович зарекся надевать другу на голову предметы домашнего обихода.

Наконец они затаскивали самодельный мангал в кусты, Витек командовал «Поехали!» и громко хлопал дверцей. Петрович выворачивал из-под сосен на проселок и медленно ехал полевой дорогой к Отрыжково. Перед горой включал первую передачу. «Копейка» содрогалась всем нутром, но цепко ползла по колее вверх. Оказавшись наверху, они облегченно вздыхали и Петрович прибавлял обороты. Все колдобины на верхней дороге он знал наизусть и лихо выворачивал руль, когда фары выхватывали из темноты очередной валун или промоину. За двадцать минут доезжали до Красных Маяков, а там по большому мосту на свою сторону и назад, эдакой краковской колбасой, к себе в Волосатино.

Сначала заезжали к Витьку. Петрович высаживал его и корзину у задней калитки, а потом налегке подруливал к дому. Если супруга интересовалась, где это он столько времени пропадал, Петрович обычно говорил, что собиралась компания у охранника на Черноморовой даче по случаю отъезда хозяина. Она ругалась, но по крайней мере не спрашивала, почему не привез ей и детям печеной рыбы, почему все сожрал сам.

После такой рыбалки Петрович спал без задних ног, и даже канарейка ему не снилась. 15.12. 2010

Поездка в Москву

Профессору понравился Витькин заросший сад, отсутствие цветов и грядок, понравилось, что из окна видно речку, что дом стоит в ложбинке и шум с базы не доходит. Пару раз он обращался к Петровичу с мелкими просьбами прокосить дорожки, поправить розетку в кухне. Утром два-три часа стучал по клавишам ноутбука, потом купался, иногда нырял с тарзанки. Днем варил суп из пакетика и снова писал. Вечером гулял по деревне, загребая пыль потрепанными вьетнамками, иногда покупал в магазине пиво и подсаживался к мужикам у «Пожарного выхода». Поздно, уже в ночи, звонил кому-то в Москву, но этот кто-то явно не торопился приехать в Волосатино. Через неделю такой жизни профессор заскучал, стал чаще приглашать Петровича к себе. Еще через неделю они были закадычными друзьями.

Профессор называл Петровича «мой бескрылый друг» и, не закрывая рта, толковал, как важно то, о чем не скажешь словами. Иногда он забывался и начинал обсуждать с бескрылым Петровичем вопрос, в то время волновавший многих в университетских кругах: можно ли считать шизопоэтику заостренным вариантом психосемантики? (или психоаналитики? черт их разберет!). Петрович ничего не понимал, но уверенно отвечал, что можно, и именно заостренным. Профессор сомневался, тревожно двигал шеей, как испуганная черепаха, и допытывался, как же в таком случае быть с аутизмом? Да никак не быть, успокаивал его Петрович, если тело бунтует против организма, с этим ничего поделать нельзя, это надо принимать, как есть. Профессор, услышав желанный ответ, веселел и вел «друга Александра» к себе домой продолжить разговор за канистрочкой холодного пива. Петрович не уважал дармоедов и халявщиков, поэтому всегда участвовал в посиделках картошкой и зеленым луком.

Однажды Петрович рассказал профессору, как он с покойным Витьком устраивал загонную рыбалку посредством бельевой корзины. Да, теперь никто так не ловит. Не умеют рассчитать расстояние, не умеют быстро выдернуть корзину и вообще, реку не чувствуют, рыбу не понимают. Да и рыбы-то почти не осталось. Петрович пытался приохотить сына, но тот сказал, что слишком много хитростей, проще в магазин

сходить за банкой консервов. Корзина до сих пор цела, а друга больше нет, и теперь секрет умрет вместе с ним. Профессор пообещал, что пожертвует написанием главы своей гениальной монографии и научится ловить рыбу корзиной, чтобы великая традиция народного рыбного промысла продолжилась и умерла не с Петровичем, а с ним, профессором, или еще лучше – с его сыном, который когда-нибудь обязательно родится. Петрович подумал про себя «Э, милый, позднечко ты собрался детей заводить...», но вслух ничего не сказал. Они договорились, что мастер-класс состоится после того, как Петрович съездит в Москву к старшей дочери.

Петрович ехал с тяжелым сердцем, предвидя неприятный разговор. История с пиратскими акциями как-то ненароком все поставила на свои места, все прояснила. Что Люське от него нужны были только деньги, он знал всегда, но что ради их целостности-сохранности она готова упечь его в «дурку», то бишь областную психбольницу на Бушмановке, это было что-то новенькое. Она собирается, а близнецы, если дать им волю, точно сделают. Отрезать бы это московское крыло на х..., да с детьми не разводятся. А может, и не его она вовсе. Её мать с кем только ни гуляла.

Петрович искал тогда утешения после канарейки. Люську-старшую дважды просить не пришлось. Люська-младшая родилась через семь с половиной месяцев, вроде как недоношенная. Да, мутная была история, но Петрович допытываться не стал: сказала «от него» – значит от него, сказала «люблю» – значит любит. Хотелось куда-нибудь приткнуться, построить свое гнездо. Через три года он вылетел из этого гнезда, как пробка, но дочку не забывал, подкармливал, помогал ей близнецов поднимать. Вот и получил в благодарность направление на Бушмановку.

Люська, сболтнув лишнего, затаилась в своей Москве, даже близнецов на лето в деревню не прислала. Окольными путями, через соседей, Петрович узнал, что новый хахаль возил их всех на море. С моря дочка вернулась якобы одна и якобы беременная. И тут Люська сама позвонила отцу и ласковым голосом попросила срочно приехать.

Похоже, станет мириться и просить денег на аборт, а если разжалобит Петровича как следует, то оставит ребенка, назовет Сашенькой в честь деда и будет до смерти тянуть на него деньги. Петрович ничего не имел против еще одного внука или внучки, но как же все у них просто получалось, как ловко дочка переваливала на него свои проблемы, а радостями делиться не спешила. Знала, какую кнопку нажать, знала, что воспитан отец по-другому, что матом в сердцах обложит, но грех на душу не возьмет и всегда поможет. Все просчитала, стерва. А он опять без Сузуки останется.

От этих мыслей и автобусной духоты разболелось сердце. Чтобы успокоиться, Петрович стал разглядывать рекламу за окном. Косоглазый молодец с накачанным торсом и низким лбом раздвигал руками то ли

горы, то ли облака, а изо рта вилась надпись: «Заботься о себе. Станешь, как я». Что он рекламировал, одеколон, тренажер или косоглазие, было непонятно. Не успел Петрович подивиться странному натурщику, как водитель включил микрофон. Бархатный дикторский голос объявил следующую остановку, а потом убедительно попросил уступать рабочие места инвалидам с детьми и гражданам других национальностей. Петрович решил, что ослышался, но по напряженным лицам пассажиров понял, что слышал не только он. Отвернулся к окну – на соседней полосе тормозили перед светофором две ГАЗели «Доставка воды» и «Доставка суши». С ума они здесь в Москве все посходили, что ли, сушу газелями продают. Она берет не больше двух тонн, это сколько же машин надо? Начал считать, но не получалось сосредоточиться, мысли путались. Однако на следующем плакате натурщик уже не косил и лоб был вроде повыше. Значит, померещилось. И с объявлениями тоже. Дочка оказалась права. Пора ему на Бушмановку. Довели, психопатом сделали, обложили со всех сторон: дети с одной, супруга с другой, инфаркт с третьей. Не знаешь, что хуже.

...Он ехал и думал о том, что супруга Светлана Ивановна стала как печка, у которой слишком рано закрыли трубу, и угарный газ пошел в комнату. Вроде все хорошо, тепло и уютно, но опасно тяжелеет голова и дышать рядом с ней становится все труднее. Петрович держался из последних сил, понимал, если даст слабину – угорит и будет она из него веревки вить. И пожаловаться вроде не на что, о здоровье беспокоится, салат ему отдельно без майонеза делает, звонит с работы, кстати, зарабатывает неплохо. Но раз в неделю, а теперь и чаще, закатывает грандиозный скандал из-за какой-нибудь мелочи, на которую раньше не обращала внимания. Может и обращала, да помалкивала. А теперь словно мстит за юность, когда молодая, влюбленная и неумелая переехала из Малоярославца к мужу в деревню, а он тыкал ей в лицо плохо ощипанной курицей или ругался, что есть мясо она не боится, а покормить свинью боится. Она с трудом привыкала к новой жизни, к сапогам и непросыхающим лужам, к тому, что соседи заходят в дом без стука и приглашения, что Витьку обязательно надо налить, а кроликам легче накосить самой, чем ждать помощи. Конечно, она всему научилась, приспособилась к жизни в Волосатино, даже отвоевала себе право вышвырнуть пьяного Витька под дождь и уехать вечером в город на бухгалтерские курсы.

С тех пор много воды утекло. Кроликов они уже не держали, последнего поросенка, замучившись откармливать, подарили коменданту на юбилей. Мясо покупали в магазине. Дети выросли. Супруга пошла на повышение, ей прибавили оклад. Она пользовалась уважением коллег в своем отделе, имела нужных знакомых и в пожарке, и в налоговой, и в милиции, искренне считала, что работа без нее встанет, а муж сляжет. И

эта новая уверенность дала ей право всех учить жить, ко всем лезть в душу и там хозяйничать, как в собственном огороде. Если ей надо было сделать кого-нибудь вечно виноватым должником, могла и документы за один день провести, и, что называется, зубной щеткой пол отмыть, но непокорных, свободных и самостоятельных рядом с собой терпеть перестала. Петрович всю жизнь был на особом положении, однако когда с ним случился инфаркт, это особое положение по понятным причинам отменилось, а потом назад не вернулось. Хорошо, что профессор подвернулся. При нем супруга опасалась скандалить, и Петрович по шажочку отвоевывал утраченную свободу.

... Автобус подъехал к Люськиному дому. Петрович прошел через арку во двор и поднялся на третий этаж. Позвонил. За дверью было тихо. Позвонил еще раз, длинно и настойчиво. Ничего. Даже закралась мысль, что ошибся домом или этажом, но уж больно знакомой была дверь. Мобильный дочери был отключен. Посидел на подоконнике, покурил, надавил еще раз на дверной звонок. Может, она там, трахается с кем-нибудь, не хочет дверь открыть? Но в квартире стояла такая мертвая тишина, что Петрович сплюнул и пошел вниз, не мешкая и не оглядываясь. Он уже садился в автобус, как заметил входящую в арку парочку. Люська была с каким-то *фурзиком*, иначе не скажешь. Обиженный Петрович решил не возвращаться. Сама без посторонней помощи разберется со своими мужиками.

Так и вернулся ни с чем. Вроде ничего не произошло, но от этой поездки осталось какое-то тягостное чувство, точно жизнь запнулась об него на минуту, а потом потекла дальше, не оглядываясь и не мешкая.

20. 12. 2010.

В одну и ту же реку ...

Профессор поджидал Петровича у калитки. Он закончил предпоследнюю главу и теперь хотел научиться ловить рыбу корзиной. Ничего хорошего Петрович от этой рыбалки не ждал, но отказать другу после того, как наговорил десять бочек арестантов, было глупо. Договорились ехать с утра, пока не очень жарко, на профессорской Хонде. Обязательно обуть кеды, на худой конец сандалии, чтобы не напороть ногу, обязательно что-нибудь на голову. Профессор кивал, как прилежный ученик, и Петрович успокоился: такому много не надо, поймает для забавы штук 5-6, будет потом всю оставшуюся жизнь соблазнять студенток рассказами о своих рыбацких подвигах. Хотя теперешним студенткам интереснее другие рыбки, золотые.

Корзина еле влезла на заднее сиденье и Петрович, озабоченный ее размещением, забыл посмотреть, во что обулся профессор. Только когда

загнали Хонду в тень сосен, когда вытащили корзину и пошли к реке, обнаружилось, что на ногах у профессора вьетнамки.

«Я же велел надеть кеды, без ноги, что ли, хочешь остаться!? Тебе же топтать надо, садовая голова». Профессор оправдывался, что ничего другого, кроме домашних тапочек и городских ботинок, у него с собой нет, и просительно заглядывал в глаза Петровичу. «Я тебе не нянька, не мамка, решай сам. Если распорешь ногу, не отвечаю». На том и порешили.

Петрович зачерпнул водорослей для маскировки, вжал корзину левым бортом в зыбкий берег и дал команду. Профессор затопал и заорал, через пять секунд маленький окурек уже бился в корзине. Вот это да, с первого раза! – профессор не мог нарадоваться удаче. Они поднялись метров на десять выше по течению, профессор снова затопал. На этот раз в корзину заплыла профессорская вьетнамка с разорванной перемычкой. Надо бы сразу свернуть представление, но профессора после первой удачи было не остановить. За пять заходов они поймали еще три плотвички. «Ну еще разок, ну пожалуйста» - канючил, как маленький, заслуженный деятель науки из Главного Столичного Университета. Душа его пела и парила, глаза блестели, редкий волос на умной голове стоял дыбом, на мокром лице было написано предвкушение великой победы.

Петрович приладил корзину и дал команду.

Лучше бы он потерял голос, корзину, штаны. Лучше бы он вообще заболел этим утром. Профессор со всей силы топнул по воде и заорал, но совсем по-другому. Ухватившись за ивовую ветку, он качался на одной ноге и орал таким страшным лагерным матом, которого Петрович никогда в своей жизни не слышал, а вода несла на него ярко-розовое пятно. Пришлось бросить корзину и пакет с жалким уловом в камышах и волочить напарника на берег.

На берегу стало ясно, что дело дрянь: кровь хлестала ручьем, фаланга среднего пальца висела на кожаном лоскутке, сустав был весь разворочен. Петрович подогнал машину к самому берегу, дал профессору в руки бутылку водки и начал перетягивать пенеk пальца леской. Потом обернул сооружение чистой марлей из аптечки, посадил профессора на заднее сиденье, подложил под ногу пакет с полотенцами, которые так и не понадобились.

Погнали в больницу, моля бога, чтобы Анатолий Иванович сегодня дежурил. Профессор завывал при каждом толчке и прикладывался к бутылке, а Петрович не мог отделаться от подлой радости, что не его машину сейчас заливают кровью этот ученый идиот. И как таких пускают к студентам?

На их счастье, Анатолий Иванович был при исполнении. Он посмотрел на синего от страха и потери крови пациента, на безжизненный, замаранный грязью палец, который держался на честном слове, и сказал,

как отрезал: «Эту соплю долой». Профессор снова заскулил, стал возмущаться, что в двадцать первом веке в любой областной больнице могут пришить если не руку, то палец уж точно. На это Анатолий Иванович невозмутимо ответил, что двадцать первый век в Калужской области наступил еще не везде, что больница у них районная и что микрохирурги им по штату не положены. Пусть он едет пришивать свой драгоценный палец в свою драгоценную Москву. Да, и пусть имеет в виду, что пока он будет ехать в свой двадцать первый век, у него может начаться заражение крови, потому что порезался он в вонючей тине какой-то ржавой железякой. А так, под местной анестезией, делов на десять минут. Вот Петрович, он знает.

Перспектива умереть от заражения крови окончательно доконала профессора. Он перестал сопротивляться и дал согласие на ампутацию.

Через полчаса его на каталке провезли в палату. Анатолий Иванович вышел следом довольный, позвал Петровича к себе в ординаторскую, и они долго сидели, вспоминали прошлое, Витька, Демона и прочих незадачливых пациентов, включая самого Петровича. А тот с удивлением думал, что слишком часто судьба приводила его в эту больницу, и даже загадал, когда опрокидывал последнюю стопку, чтобы самому сюда больше не попадать и умереть здоровым.

Вечером, уже на своей машине, он привез профессору домашних щей в банке (привет от Светланы Ивановны), мобильный с тремя неотвеченными вызовами и тапочки, а для Анатолия Ивановича – конвертик со скромной благодарностью, которую профессор велел достать на кухне из-под пакета лапши. На следующее утро пациент запросил ноутбук и до самой выписки гонял Петровича с мелкими поручениями, которые тот старательно выполнял в пику супруге. В результате к концу недели все в доме блестело, свежескошенная трава благоухала под раскрытым окном, а в холодильнике лежали котлеты и три баллона пива разных сортов. Петрович рассчитывал провести с профессором приятный вечер после выписки, душевно посидеть, выведать про его воркутинское детство, но неожиданно оказалось, что он – третий лишний.

Когда Петрович привез друга из больницы, калитка была нараспашку, на крыльце у запертой двери стояла объемистая сумка вишневой кожи, а по дорожке прохаживалась симпатичная девица в босоножках на высоком каблуке. Профессор слегка смутился, а девица кинулась к нему, не обращая внимания на Петровича, стала гладить по редющим волосам и просить прощения, называя его Ванечкой, а себя дурой. И Ванечка выдохнул с облегчением и тоже стал гладить ее по волосам, называя Дусей. Через некоторое время они хватились «друга Александра», но тот уже закрывал за собой калитку. «Диван раскладывается» - крикнул негромко, однако парочка услышала и поняла все правильно.

Утром они уезжали в Москву. Профессор хромал сильнее, чем накануне, и девица сама села за руль. Она была умиротворенная, с припухшими губами и синяком на шее. Профессор тоже был несказанно доволен и шепнул Петровичу, что он его вечный должник, что без этой злосчастной рыбалки у них ничего бы не сладилось и что половина среднего пальца на ноге – минимальная плата за ее согласие. И время для беременности сейчас исключительно подходящее. Если она родит, всем буду говорить, что своего внука сделал сам, ха-ха, при помощи пальца, ха-ха. Профессор обещал приехать следующим летом, привезти с собой Дусю и малыша, но по глазам Дуси было видно, что за рождение наследника она требует с профессора московскую прописку, штамп в паспорте и отдых в пятизвездочном отеле где-нибудь на Средиземноморском побережье, а в Волосатино не поедет ни за какие коврижки.

После их отъезда Петрович долго не мог зайти в дом. Мешала ядовитая мыслишка, что в дураках остался не профессор, а он, Петрович, раскатавший губу на новую дружбу. Бросили, небось, свои грязные простыни, а «друг Александр», как холоп, будет убирать. Но в доме было чисто, диван сложен, две мытые чашки стояли на решеточке, а на столе – ключ, деньги за непрожитый август, початая бутылка «Ваньки-ходунка» и листок с московским адресом и телефоном, поверх которого вместо слов благодарности Дуся отпечатала свои красные губки. Котлеты и пиво лежали в холодильнике нетронутые. «Хоть шерсти клок» - подумал Петрович, пряча деньги и стряхивая котлеты с тарелки в пакет из-под пряников. Осталось незаметно для супруги переправить в мастерскую виски и пиво.

14. 01. 2011

Прутомойная горка

Операция по перемещению бутылок прошла успешно, но отнести котлеты в холодильник Петрович не успел, поскольку в мастерскую ввалился Паша-третий-сорт и сразу сел к верстаку. Он сидел долго, все расспрашивал про профессора и его девушку, при этом старательно перегружал котлеты из пакета в желудок и выпил два баллона пива. Несколько раз покушался на виски, но Петрович даже думать запретил.

Паша был редкостный болтун и бездельник. Он целыми днями слонялся по деревне в поисках слушателей, часами поджидал жертву у «Пожарного выхода». Дачников и студентов привлекал его хорошо поставленный баритон, они охотно слушали Пашины небылицы и угощали пивом. Свои цену Паше знали, но снисходительно терпели за умение травить анекдоты и рассказывать истории, в которых москвичи всегда оставались в дураках.

В молодости он пять лет одолевал три курса Московского института пищевой промышленности, два раза уходил в академический отпуск по

диабету и по перелому руки, и пока учился, а точнее, *не* учился, успел побегать по театрам, покадрить девочек в Парке культуры и отдыха и перезнакомиться со всеми вахтерами в Третьяковской галерее. Наконец его выгнали из института с позором, но у Паши в кармане к этому времени лежал «белый билет», и это было лучше любого диплома.

Еще у Паши была справка, что он поэт: опубликовал два стихотворения в сборнике «Московское студенчество – XXVI съезду КПСС». Сам сборник куда-то подевался. Приходилось верить справке. Некоторые действительно верили и считали его человеком интеллигентным и удачливым. Но Петрович знал, что вся его удачливость сводилась к тому, что Паша умудрялся вовремя перепрыгнуть с одной кочки, которая начинала тонуть под весом его безделья и блядословия, на другую. Он сменил десяток работ, развалил доходный кооператив пасечников, втравил нескольких односельчан в пирамиду «МММ», из которой сбежал буквально за день до катастрофы. Петрович потом два года выплачивал долги и остался без иномарки. С той поры про себя он называл Пашу «третий сорт».

Впрочем, долго обижаться на него было невозможно. «Третий сорт» клубился безумными идеями, в которые сам верил, предлагал завиральные проекты, и что самое поразительное, некоторые иногда осуществлялись при полном попустительстве начальства.

Так, именно Паша предложил по-тихому завалить несколько секций забора вокруг базы, а потом написать рапорт о необходимости срочных ремонтных работ. И как все расписал, подлец! Не просто поднять забор, а «восстановить функции, утраченные по причине природного катаклизма». И функций этих оказалось ни много, ни мало четыре штуки: сдерживающая, демаркационная, ветрозащитная и функция поддержания безопасности. Комендант (кто бы сомневался!) отхватил себе функцию поддержания безопасности, Петровичу досталась демаркационная (еще бы знать, что это такое), толстяку Паше оставили ветрозащитную, а на сдерживающую пришлось записать Витька, чтобы не обижался.

Витек приехал на тракторе и за две пол-литры выдернул поваленные секции из грязи и поставил на прежнее место. Ребята подперли забор кольями, выровняли по отвесу вертикаль и споро залили столбы раствором. Да, в прошлый раз на нем сильно сэкономили. Через день нагрянуло начальство, проинспектировало готовность базы к приему студентов, похвалило бригаду за хорошую работу и выписало премию в размере месячного оклада сторожа, который тут же потребовал свою долю за недонесение.

Они тогда славно погуляли на премию: в выходные поехали с женами, детьми и подругами, у кого что было, на Прутомойную горку с ночевкой. Два дня жарили шашлыки, ловили рыбу, Петрович сделал сыну

замечательный лук из орешины, а толстый Паша лазил на сосну и ревел оттуда медведем. Лидочка испугалась по-настоящему.

Паша был очень доволен, но во второй раз номер не прошел, все смеялись и кидали в него шишками. Одна шишка попала в лицо, Паша начал сползать по стволу и оцарапал голый живот. Лидочка мазала бледную кожу йодом и нежно дула на рану.

Витек умудрился поймать ужа и пугал им детей. Когда нашли ежика, про ужа забыли, и он быстренько уполз. Дети напоили ежика пивом, а потом бросили в воду, не со зла, просто чтобы посмотреть, как поплывет. Купаться было рано – начало июня, но Петрович полез спасать ежа и заодно героически нырнул с поваленной ветлы, обрызгав жену холодной водой, а она визжала и счастливо смеялась. Приятели пялили глаза на ее прелести, Петрович гордился своей Светланой, а она гордилась им.

Из речных кустов, ничуть не смущаясь громкими соседями, били пулеметными трелями и выделявали коленца последние холостые соловьи. Свои горластые Паша и Витек были в любой компании, что в птичьей, что в человеческой.

На второй день к вечеру небо стало затягивать, закрапал дождик. Надо было срочно уезжать, пока не раскисла дорога, но куда-то подевались Паша и Лидочка. Наконец они вернулись; караван из трех машин тронулся в обратный путь. Подъехали к Отрыжково – а подняться в гору по намокшей глине невозможно. Пробовали и так, и эдак. Женщин высадили из машин, уставших детей отвели к Нюре Чугункиной смотреть «Спокойной ночи, малыши». Штурмовали подъем часа полтора, подкладывали под колеса камни, палки, доползали почти до верха, но последние 20 метров не давались ни в какую. В конце концов «четверка» Петровича прочно села на брюхо. Так бы и заночевали в поле, но ехал из карьера Петюня на своем «Урале», за пять минут всех вытащил.

В понедельник супруга вернулась с работы встревоженная, сказала, что нащупала у себя за ухом клеща. Петрович стал доставать, оторвал не нарочно налитое кровью туловище, а потом полчаса выковыривал малюсенькую головку. И у себя нашел под мышкой кровососа. Из их компании только тощий Витек не понравился клещам. Кто выкручивал пинцетом, кто мазал подсолнечным маслом, кто ходил на базу в медпункт доставать насекомое из неудобного места...

Да, славно тогда погуляли.

От этих воспоминаний Петровичу захотелось немедленно поехать на Прутомойку. Он быстренько вытолкнул Пашу-третий-сорт из мастерской, жене сказал, что едет в Маяки к председателю по делу, а сам полетел дальше, к Отрыжково, и под гору, направо, до старых сосен. Машину оставил у ручья, зашел на горку с тыла, постоял на вершине, где был когда-то их лагерь, и стал потихоньку спускаться к реке.

На склоне сидел незнакомец – плотный седоватый дядька, еще не старый, но какой-то уставший, погасший, что ли. Он пристально смотрел на противоположный берег и не услышал, как подошел Петрович.

«Красиво?»

«Красиво, но сверху еще лучше».

«Куда уж выше?»

«Можно, можно выше. Когда-то я каждую неделю летал над этими местами».

«Так ты Демон?»

«Какой еще демон?»

«Это тебя так наши деревенские прозвали».

«Раз прозвали, значит демон».

«Да не демон, а Демон, который Лермонтов, в общем, дух изгнания над грешною землей...».

«Больно умные вы для деревни».

«Ну, знаешь, Ломоносов тоже был деревенский».

«Ты мне Ломоносовым не тычь, я сам теперь и Ломоносов, и Ломоногов».

Он недоброжелательно взглянул на Петровича, нашарил в траве палку, какие выдают бесплатно инвалидам в поликлиниках, и заковылял вниз, стараясь снять тяжесть с правой ноги и постепенно все больше кренясь на бок.

Через несколько минут что-то застрекотало над излучиной: на запад, вдогонку за уходящим солнцем летел параплан с моторчиком, под цветным крылом болталась темная фигурка. У Петровича глаза на лоб полезли: когда это он успел, нечистая сила? Присмотревшись, понял, что летит девушка или длинноволосый паренек, не разберешь издали. Совпадение, конечно, совпадение. Но почему-то больше не хотелось оставаться на горке, и Петрович заспешил к машине.

Ехал домой и думал, что скоро совсем не останется мест, где можно спокойно вспомнить прошлое. И тех, кто его помнит, тоже мало осталось.

28. 01. 2011

Счастливый конец

На подъезде к дому Петрович заволновался: у их ворот стоял черный Гелленваген с красивыми номерами, за рулем дремал шофер в белой рубашке и галстуке. Кого это принесло? У нас такие не водятся.

На веранде его поджидали Люська и ...давешний *фурзик*! Фурзика он узнал сразу, а родную дочь в первый момент не признал: модная стрижка, костюмчик, маникюр, держится, как героиня сериала «Похотливые мощи». И главное, стала до ужаса на нее похожа, из-за макияжа, что ли, или операцию сделала. Конечно, никакой беременности,

наоборот, похудела, постройнела. Да, очень похожа на главную героиню, как же он раньше не замечал?

...Сериал этот бесконечный тянулся уже год и конца ему не было видно. Сначала Петрович смотрел регулярно, но потом запутался в сюжетных хитросплетениях и бросил. Смысл был в том, что стареющая кинозвезда уже не могла играть на крупном плане, не смотря на все старания пластических хирургов. А в это время безродная девчонка из провинции искала в столице свое счастье. И счастье в лице помощника режиссера ее нашло и предложило дублировать звезду в постельных эпизодах. Но для правдоподобия ей надо было лицом и взглядом стать заметно старше и опытнее. Те же пластические хирурги и помощник режиссера очень качественно прибавили девушке лет и опыта, она успешно заменяла звезду, а когда в нее влюбился молодой осветитель, решила выйти из игры, вернуть невинную внешность и уехать с любимым далеко-далеко.

Это означало конец карьеры старой кинодивы. Полную катастрофу.

И старая звезда подстроила взрыв софита, молодой осветитель ослеп и все женщины по обе стороны экрана рыдали. А старая голосом молодой призналась осветителю в любви и тот сослепу не разобрал, кто пришел, и принял ее любовь, а молодая их застучала. И снова все рыдали. Дело шло к последней разборке, но тут сериал прервали надписью «Конец первой части» и пообещали осенью продолжить.

Еще год этой кисло-сладкой мути, которая по времени совпадала с ментовским сериалом, Петрович выдержать не мог, тем более что он постоянно ошибался, где состаренная молодуха и где омоложенная старуха. Не он один, многие зрители ошибались, и герои фильма по сюжету тоже обманывались, из-за этого случались всякие нелепости, а сценарист пошел вразнос, запутывая народ с каждой серией все больше...

И Люська туда же, в эту неразбериху полезла, внешность стала менять. Но фурзику явно льстило, что его подруга так похожа на кинозвезду, он сыпал комплиментами в адрес Людмилы Александровны и ее уважаемых родителей, а сам обшаривал цепким взглядом дом, двор, сад, картофельные сотки и проход к реке. Петрович совсем собрался сказать какую-нибудь непоправимую грубость, типа ее родителей тут нет, есть мачеха и старый осел, который вырастил чужого ребенка как родного. Уже рот открыл, но тут фурзик за локоть отвел его в сторону и предложил, попросил даже, черт, не знаешь, как назвать это все, словом, выразил надежду, что будущий тесть ему окажет честь и позволит записать на свое имя акции их фирмы на сумму 200 тысяч зеленых рублей.

Петрович так и сел: он-то здесь при чем? Вы, не ровен час, разоритесь, а я без штанов останусь?!

Фурзик засмеялся, будто Петрович сморозил страшную глупость. Если бы деньги на покупку акций вы брали под залог своей усадьбы, ваши

опасения были бы справедливы. А так как деньги не ваши, и акции по сути не ваши, только паспортные данные ваши, бояться абсолютно нечего. Просто нам нужно разместить по своим людям два процента. Очень трудно найти столько знакомых порядочных людей, а Людмила Александровна характеризовала вас как человека порядочного и одновременно смелого. Мы не опаснее сомалийских пиратов, с которыми вы, кажется, имели дело. Да, еще будет розыгрыш призов для миноритариев: Мерседес и БМВ.

И тут Петрович словно со стороны услышал собственный подхалимский голос, который говорил, что БМВ ему ни к чему, а вот не будут ли разыгрывать Сузуки Гранд-Витару? Фурзик улыбнулся короткой жесткой улыбкой «Так вы предпочитаете скромных работающих японок?» и протянул руку. Петрович пожал ее и пошел за паспортом.

Как черт из табакерки нарисовался нотариус с печатью и амбарной книгой, в багажнике его фурзик возит, что ли, или отходил в кусты, почему Петрович ничего не заметил? Тут же составили все документы и доверенность, по которой фурзик мог голосовать вместо Петровича на собрании акционеров. Шлепнув последнюю печать, нотариус исчез, словно и не было его никогда.

В глубоких сумерках все сидели в саду под яблоней, ели белые грибы, молодую картошку со сметаной и укропом и запивали проводы Люськиной холостой жизни французским шампанским и коньяком, которые привез фурзик. Люська щебетала, что Геннадий Эдуардович любит ее мальчиков, как родных, и оплатил их обучение в Англии. Сейчас они подтягивают с репетиторами свой английский, а с осени начнут заниматься в Королевском колледже на отделении «PR-технологии и современные СМИ».

Супруга принесла из погреба миску малосольных огурцов. Все было почти как сорок с лишним лет назад. Не было только молодости, канарейки и Витька. Зато были жена, фурзик, Люська и разговоры про близнецов, которые выучатся в Англии и будут формировать общественное мнение с помощью новейших технологий. А Петрович думал, что лучше бы они как раньше разбрызгивали сок поганок, от него меньше вреда.

Люська с фурзиком уехали поздно. Будущего зятя развезло и шофер с трудом загрузил его в машину. Первое время Петрович ждал вестей из Москвы, но все как-то затихло, на свадьбу их не звали, а может, и свадьбы никакой не было. Телефон Люськи молчал, наверное все были далеко за границей. Поэтому когда через несколько месяцев ему пришел срочный пакет с сообщением, что на одну из акций выпал выигрыш, он не сразу сообразил, о чем речь. Пришлось покупать новый костюм и галстук, чтобы не стыдно было показаться на людях.

Он сразу понял, что всю жизнь ждал эту машину, а она – его. Темно-вишневая, с кожаным салоном, с большим багажником, чуткая и послушная, настоящая японская жена, которая никогда не говорит своему мужу «нет», но всегда тактично предостерегает от неправильных действий. Поначалу Петрович дышать на нее боялся, берег для поездок в город, потом осмелел, ездил и на рыбалку, и по разбитым проселкам, но на плохой дороге никогда не форсировал двигатель, за руль садился в чистых штанах и вообще стал следить за собой, как будто у него появилась женщина. Витара и была женщиной: каким-то непостижимым образом она вытеснила из его воспоминаний канарейку, научила всегда пристегиваться и подарила три года счастливой жизни. В том, что случилось потом, не было ее вины.

Только не надо Петровича жалеть. Он прожил хорошую жизнь, даже можно сказать, длинную – почти 7 лет пенсию от государства получал. Для сельского мужика это большая удача.

И любовь у него была, и детей нормальных вырастил, и порыбачил вдосталь, и поохотился. А уж сколько белых приносил из-за оврага со своих заветных мест – по 150 штук за раз, супруга замучивалась сушить и мариновать. Строил на совесть, рамы лучше всех вязал, не отказывал в помощи соседям и всегда умел поддержать компанию.

И за все за это его желания исполнились, словно кто-то наверху поставил плюсики напротив его фамилии.

Мечтал Петрович о хорошей машине – пожалуйста, на новой иномарке три года гонял, как молодой. Каждый раз, как садился за руль, сбрасывал двадцать лет, ей Богу, и душа его пела и парила.

Пошутил однажды, что хочет в телевизор попасть, так что вы думаете – попал! Показали его в передаче «Когда не все дома» длинным крупным планом, пока машину с отбойника краном снимали.

Загадал умереть здоровым – умер здоровым, за одну секунду, от остановки сердца, собственно, поэтому и вылетел с полосы. Верная Витара приняла на себя весь удар. Лобовое стекло вдребезги, капот всмятку, но Петрович сидел целехонький, зажатый подушкой безопасности, и улыбался опасливой и растерянной улыбкой человека, которого первый раз в жизни поднимает в воздух дельтаплан.

Легко ушел, никого с собой не забрал, не покалечил, это большая удача. Но главное счастье в том, что он умер и не узнал, что произошло через несколько лет с его семьей и с домом, и еще через несколько лет с родным селом, и потом со всеми нами.

Все сделал вовремя.

Молодец!

2011-03-16